7 — 287
Штемпель

4 — 287

С. Г. СВАТИКОВЪ.

Русскій политическій сыскъ за-границею.

(По документамъ Парижскаго Архива Заграничной Агентуры Департамента Полиціи).

Изданіе Ростово-Нахичеванскаго Комитета трудовой н.-с. партіи.

4
287

С. Г. СВАТИКОВЪ.

Русскій политическій сыскъ за-границею.

(По документамъ Парижскаго Архива Заграничной Агентуры Департамента Полиціи).

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
Первое Паевое Рабоч. Т-во Печат. Дѣла б. Дон. Акц. О-ва
1918.

1.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1299939

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА.

С. Г. Сватиковъ.

Русскій политическій сыскъ за-границей.

(По документамъ Заграничной Агентуры Департамента Полиціи).

I. Организація политическаго розыска до 1881 года.

Бурное развитіе Великой Русской Революціи быстро отвлекло вниманіе общества отъ тайнъ стараго режима, которыя ревниво скрывались въ теченіе десятилѣтій отъ глазъ народа, и стали вдругъ доступны въ мартѣ 1917 года. Взрывъ, который разрушилъ старый порядокъ, былъ столь внезапенъ, что работа царизма прервалась, такъ сказать, на полусловѣ. Благодаря этому многое, что было бы скрыто или уничтожено, если-бы борьба длилась болѣе долгое время и шла съ перемѣннымъ успѣхомъ, осталось въ неприкосновенности. Правда, кое-гдѣ жандармскимъ офицерамъ удалось уничтожить списки провокаторовъ, кое-гдѣ толпа, подстрекаемая агентами охраны, не понимая смысла происходящаго, разгромила охранныя отдѣленія и сожгла ихъ архивы и дѣлопроизводства. Такъ, напримѣръ, погибла значительная часть архива Петроградскаго охраннаго отдѣленія. За то уцѣлѣлъ полностью весь архивъ III-го Отдѣленія и Департамента Полиціи, и почти все дѣлопроизводство Департамента. Изъ послѣдняго толпа, ворвавшаяся въ зданіе Департамента, уничтожила лишь часть бумагъ 8-го дѣлопроизводства, посвященнаго уголовному розыску. Все остальное,—въ особенности бумаги Особаго Отдѣла, вѣдавшаго политическимъ розыскомъ,—было спасено и охранено. Благодаря этому удалось вскрыть тайны охраны, которая

въ старой Россіи являлась не только средствомъ самообороны стараго режима, но и мощной политической организаціей, которая умѣла держать въ рукахъ своихъ собственныхъ господъ.

Здѣсь умѣстно напомнить читателю въ двухъ словахъ исторію политической полиціи въ императорской Россіи. Въ 1697 году Петръ I основалъ, такъ называемый, *Преображенскій приказъ*, которому приказано было въ 1702 году вѣдать всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. Кто объявлялъ, что знаетъ «государево слово и дѣло», т. е. можетъ предъявить обвиненіе въ государственномъ преступленіи, того, вмѣстѣ съ оговореннымъ, отправляли въ приказъ. Въ 1718 году въ Петербургѣ была основана *тайная канцелярія*, которая вѣдала государственныя преступленія, одновременно съ Преображенскимъ приказомъ, и съ 1729 года замѣнила его на всемъ пространствѣ имперіи. «Тайная канцелярія розыскныхъ дѣлъ» временъ Петра, Анны и Елизаветы оставила по себѣ такую кровавую память, что Петръ III уничтожилъ ее указомъ 1762 года. Однако, Екатерина II возстановила политическую полицію въ лицѣ *тайной экспедиціи* при первомъ департаментѣ сената. Тайная экспедиція просуществовала царствованіе Екатерины и Павла I. Черезъ нее прошли сотни дѣлъ, между прочимъ, дѣла родоначальниковъ русской революціонной интеллигенціи Радищева и Новикова. Въ моментъ вступленія на престолъ Александра I по спискамъ тайной экспедиціи числилось 700 человѣкъ сосланныхъ въ монастыряхъ, крѣпостяхъ, въ Сибири и состоявшихъ подъ полицейскимъ надзоромъ. На третій день по вступленіи на престолъ Александръ I, «желая облегчить тягостный жребій людей, содержащихся по дѣламъ, производящимся въ тайной экспедиціи», далъ полную политическую амнистію. 2 апрѣля 1801 года былъ изданъ слѣдующій указъ: «Разсуждая, что въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона, Мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе Тайной Экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла, въ оной

бывшія отдать въ государственный архивъ, къ вѣчному забвенію»...

Несмотря на это, борьба съ государственными преступленіями продолжалась, и въ 1811 г. при созданіи министерства полиціи была возложена на *особенную канцелярію министра полиціи*. Въ 1819 году, при присоединеніи министерства полиціи къ министерству внутреннихъ дѣлъ эта канцелярія по политическимъ дѣламъ была названа *особенной канцеляріей министра внутреннихъ дѣлъ*. Военное возстаніе въ декабрѣ 1825 года обнаружило существованіе громаднаго заговора. Николай I, испуганный этимъ движеніемъ, создалъ въ 1826 году III-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, которое по 1880-й годъ, подъ сокращеннымъ именемъ „*Третьяго отдѣленія*“, было центромъ политическаго розыска. Въ 1827 г. были созданы исполнители воли III-го отдѣленія, въ лицѣ жандармскихъ офицеровъ принадлежащихъ къ Особому *Корпусу Жандармовъ*. Шефъ Корпуса Жандармовъ былъ обычно и управляющимъ III-го Отдѣленія. Въ губернскіе города были назначены жандармскіе штабъ-офицеры, превратившіеся съ 1867 года въ начальниковъ губернскихъ жандармскихъ управленій. Политическій розыскъ велся при Николаѣ I и Александрѣ II исключительно III-мъ Отдѣленіемъ. Въ дѣлѣ Петрашевскаго конкурентами шпіоновъ III Отдѣленія оказались агенты министерства внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, при Николаѣ I расправа надъ политическими преступниками возлагалась большею частью на особыя комиссіи, отчасти на военный судъ. При Александрѣ II расправа по политическимъ дѣламъ возлагалась на Сенатъ, военные суды и (кратковременно) на судебныя палаты. Въ 1880 г. была произведена съ большимъ шумомъ „реформа“: ненавистное III-е Отдѣленіе было уничтожено, но всѣ его чиновники и дѣла перешли къ *Департаменту полиціи* Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Званіе-же шефа жандармовъ было присвоено Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Органами политическаго розыска на мѣстахъ остались губернскія жандармскія управленія. Въ теченіе 36 слишкомъ лѣтъ (1880—1917) Департаментъ Полиціи былъ центромъ политическаго розыска въ Россіи.

Дѣлами политическаго розыска вѣдалъ не весь Департаментъ Полиціи, а лишь *Особый Отдѣлъ*, помѣщавшійся въ самомъ верхнемъ этажѣ зданія у Цѣпного моста. Ни одинъ изъ чиновниковъ Департамента, не служившій въ Особомъ Отдѣлѣ, не могъ туда войти. Входъ былъ черезъ кабинетъ начальника. Таковы были мѣры предосторожности противъ возможныхъ разоблаченій и предательства. Въ царствованіе Николая II съ губернскими жандармскими управленіями стали конкурировать *Охранныя Отдѣленія* (или т. н. отдѣленія по охраненію государственной безопасности и общественнаго спокойствія). Сперва это были отдѣленія канцеляріи градоначальниковъ въ Петроградѣ, Москвѣ и Варшавѣ, а затѣмъ ихъ стали основывать въ пунктахъ наиболѣе важныхъ съ точки зрѣнія охраны, не связывая ихъ съ существованіемъ градоначальства. Довольно крупная и значительная охранная организація была создана въ 1905 г. въ формѣ *дворцовой полиціи*, цѣль которой была личная охрана царя отъ покушеній на его жизнь.

Въ дѣлѣ политическаго розыска передъ Великой Революціей господствовалъ нѣкоторый хаосъ благодаря множеству охранныхъ учрежденій. Въ охранныхъ отдѣленіяхъ и губернскихъ жандармскихъ управленіяхъ, помимо штатныхъ чиновъ и офицеровъ, руководившихъ сыскомъ, „работали“ лица двухъ сортовъ: 1) „агенты“ и 2) „секретные сотрудники“. *Агенты* были низшіе исполнители по найму (иногда изъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ и такъ называемыхъ околодочныхъ надзирателей при охранномъ отдѣленіи). Ихъ обязанности заключались въ наружномъ наблюденіи: „филеры“ слѣдовали по пятамъ за подозрительными лицами, другіе стояли на постахъ, третьи сопровождали и охраняли важныхъ особъ и т. п. *Секретные сотрудники* распадались на информаторовъ (освѣдомителей) и на провокаторовъ. И тѣ, и другіе должны были принадлежать къ общественнымъ кругамъ, подлежащимъ „освѣщенію“ (рабочимъ, интеллигентскимъ и т. п.). Они вербовались въ ряды „сотрудниковъ“ путемъ застращиванія и денежнаго соблазна. Пріобрѣсти новаго сотрудника въ охрану значило на языкѣ охранниковъ—„заагентурить“ кого либо.

Нѣкоторые изъ сотрудниковъ были цѣнны, какъ *освѣдомители* о дѣятельности и планахъ той или иной революціонной или оппозиціонной группы; они были просто предателями (за деньги, или—изъ мести—безплатно). Другіе, принадлежа къ революціонной группѣ, организовывали тѣ или иныя „предпріятія“: основывали новыя группы, типографіи, склады, подготовляли выступленія, покушенія и т. п. И доведя дѣло до извѣстнаго момента, выдавали всю организацію; вѣрнѣе, оргаганизовывали „предпріятія“, которыя затѣмъ удачно „ликвидировались“ охраной. Эти сотрудники были *провокаторами*. Департаментъ не дѣлалъ различія между этими категоріями сотрудниковъ, развѣ что платилъ дороже провокаторамъ.

За послѣднее передъ революціей время имѣли своихъ „секретныхъ сотрудниковъ“ и департаментъ полиціи, и губернскія жандармскія управленія, и охранныя отдѣленія, и дворцовая охрана, и даже отдѣльные болѣе предпріимчивые охранники (полк. Мартыновъ, фонъ-Коттенъ, Герасимовъ и др.).

Расходы на полицію, вообще, въ частности-же на политическую, были огромны. Помимо штатныхъ суммъ на содержаніе Департамента Полиціи, отдѣльнаго корпуса жандармовъ и т. п., одни лишь смѣтные расходы по веденію секретнаго розыска въ Россіи и заграницей въ 1916 году были равны тремъ милліонамъ рублей. Распредѣлялась эта сумма слѣдующимъ образомъ:

Въ Россіи.

1) Содержаніе секретной агентуры	332.226 р.
2) Личный составъ розыскныхъ органовъ .	1.813.620 р.
3) Другіе расходы по розыску	554.548 р.
Итого . .	2.701.394 р.

Заграницей (въ Парижѣ).

1) Секретная агентура	240.000 фр.
2) Личный составъ розыск. органов. . . .	497.877 фр.
3) Другіе расходы	44.600 фр.
Итого . .	782.477 фр.

Послѣдняя цыфра (по до-военному курсу 100 фр.=37 р. 75 к.) равна 295.385 руб. Итого, какъ мы видимъ, десятая часть всей суммы, ассигнованной на политическій розыскъ въ имперіи, тратилась на розыскъ заграницей.

Полное обслѣдованіе дѣятельности Департамента Полиціи можно будетъ сдѣлать лишь по частямъ, трудами цѣлаго ряда лицъ. Многое въ этомъ направленіи было сдѣлано Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей. Но труды ея остались неопубликованными. Списки провокаторовъ были оглашены комиссіей по разборкѣ дѣлъ Департамента Полиціи (подъ предсѣдательствомъ П. Е. Щеголева). Списки мѣстныхъ провокаторовъ публиковались въ разныхъ городахъ на основаніи дѣлопроизводства охранныхъ отдѣленій.

Но совершенно неизвѣстна до сихъ поръ дѣятельность Заграничной Агентуры, цѣль которой заключалась въ «освѣщеніи» русской революціонной эмиграціи, проживавшей заграницей. Между тѣмъ, революціонная эмиграція со временъ Герцена имѣла громадное вліяніе на развитіе политической мысли и политической дѣятельности внутри Россіи. Заграницу бѣжали тѣ, кому удавалось избѣжать рукъ русской тайной полиціи. Заграницею образовался рядъ революціонныхъ центровъ, въ которыхъ издавались революціонныя изданія, обсуждались программы, намѣчались активныя дѣйствія. Мозгъ русской революціи, на ея счастье или несчастье, находился болѣе заграницею, нежели внутри Россіи. Императорская Россія понимала это и всегда старалась быть въ курсѣ того, что дѣлалось въ русской революціонной средѣ заграницею. Съ этою цѣлью еще III-е Отдѣленіе посылало заграницу своихъ агентовъ и умѣло находить недурныхъ «секретныхъ сотрудниковъ» среди лицъ, близкихъ къ революціи. Такъ было еще при Николаѣ I.

Первымъ революціоннымъ центромъ былъ (въ 1855—1865 г.г.) Лондонъ. Здѣсь жили Герценъ и Огаревъ, позднѣе Бакунинъ; здѣсь издавались «Колоколъ», «Полярная Звѣзда», «Общее Вѣче» и цѣлый рядъ книгъ. Насколько пристально слѣдило за Герценомъ III-е Отдѣленіе, показалъ процессъ т. н. «лондонскихъ пропагандистовъ» 1862 года, по которому рядъ

лицъ былъ осужденъ за сношенія съ Герценомъ и Бакунинымъ. Другой революціонный центръ создался въ Гейдельбергѣ. Сюда (въ 1861 г.) устремились изъ Россіи многіе студенты, уволенные изъ русскихъ университетовъ за участіе въ большихъ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г. Здѣсь шла живая и интересная жизнь, центромъ которой была русская библіотека-читальня, основанная въ 1862 г. Правительство высоко оцѣнило роль этой библіотеки и за одно участіе въ ней назначало по 5 лѣтъ административной ссылки въ Вятскую губернію. Но въ 1866 г. центръ эмиграціи и революціонной мысли переносится изъ Гейдельберга въ Женеву, куда переселился съ мая 1865 года Герценъ; и поэтому проживавшій въ Гейдельбергѣ въ концѣ 60-хъ годовъ агентъ III-го Отдѣленія Александръ Бутковскій христомъ-богомъ молилъ свое начальство перевести его въ другое мѣсто, такъ какъ онъ чувствовалъ себя въ Гейдельбергѣ «за отсутствіемъ матеріаловъ безсильнымъ выполнять какого-либо рода свѣдѣнія (sic!) и брать съ васъ даромъ деньги».

Въ Женевѣ, кромѣ Герцена, вліяніе котораго падаетъ, привлекаютъ къ себѣ вниманіе агентовъ III-го Отдѣленія Бакунинъ и русскіе члены Интернаціонала. Съ 1869 по 1873 г. къ центрамъ революціонной эмиграціи принадлежитъ Цюрихъ. Съ средины 70-хъ годовъ на цѣлые 40 лѣтъ крупнымъ эмигрантскимъ центромъ становится Парижъ, а за нимъ снова Лондонъ. Съ конца 80-хъ годовъ извѣстные пункты въ Германіи также становятся прибѣжищемъ эмигрантовъ, а съ начала 1900-хъ годовъ и Ривьера.

II. Основаніе Заграничной Агентуры Департамента Полиціи (1881). Ея начальники: Рачковскій (1882—1902), Ратаевъ (1902—1905), Гартингъ (1905—1909). Докладъ Гартинга о состояніи охраны въ 1905 году.

Террористическая дѣятельность партіи «Народной Воли», направленная противъ Александра II, заставила III-е Отдѣленіе озаботиться организаціей *Заграничной Агентуры* и ея бюро. Это бюро было создано въ Парижѣ въ 1881 году. Во главѣ его стоялъ Корвинъ. Однимъ изъ первыхъ агентовъ, принятыхъ изъ числа иностранцевъ въ охрану, былъ Анри *Бинтъ*, прослужившій безъ перерыва 36 лѣтъ. Дѣятельность русской заграничной полиціи въ 1881 г. была довольно скоро вскрыта Анри Рошфоромъ въ его «Intransigeant». Цѣлый рядъ агентовъ былъ направленъ заграницу обществомъ «Добровольной Охраны», образованнымъ группою аристократовъ въ томъ же 1881 г., съ цѣлью личной охраны царя. Дѣятельность «Добровольной Охраны» заграницею не дала видныхъ результатовъ, Въ 1882 г. завѣдывающимъ Заграничной Агентурой былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій Петръ Ивановичъ *Рачковскій*, который пробылъ на своемъ посту до ноября 1902 г. Рачковскій, бывшій судебный слѣдователь, сталъ служить въ III-мъ Отдѣленіи еще въ концѣ 70-хъ годовъ, былъ разобличенъ на страницахъ «Народной Воли» и вынужденъ прервать свою дѣятельность въ Россіи. Центромъ его дѣятельности былъ Парижъ. Ему пришлось работать въ эпоху умиранія «Народной Воли», а затѣмъ—нарожденія соціалъ-демократическаго и соціально-революціоннаго движенія. Одинъ изъ наиболѣе громкихъ подвиговъ его агентовъ: Милевскаго, Бинта и Гурина, былъ разгромъ въ Женевѣ типографіи «Вѣстника Народной Воли», въ ноябрѣ 1886 г. Однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ для Департамента Полиціи сотрудниковъ, пріобрѣтенныхъ въ 1880-хъ годахъ Рачковскимъ былъ Абрамъ *Гекельманъ*, замѣшанный въ студенческихъ безпорядкахъ въ 1881 году въ

Москвѣ, имѣвшій затѣмъ связь съ народовольческимъ кружкомъ въ Дерптѣ и бѣжавшій заграницу. Этотъ Гекельманъ, появившись въ Парижѣ въ 1889 г. подъ именемъ Ландезена создалъ знаменитое дѣло бомбистовъ въ Парижѣ, въ маѣ 1890 г. «бѣжалъ» и былъ заочно осужденъ французскимъ судомъ въ тюрьму. Въ концѣ 90-хъ годовъ Гекельманъ носилъ уже имя Аркадія Михайловича Гартинга, подъ каковымъ именемъ существуетъ и до сихъ поръ.

Рачковскій былъ удаленъ отъ должности Плеве, въ іюлѣ 1902 года. На его мѣсто былъ назначенъ завѣдывавшій Особымъ Отдѣломъ Департамента Леонидъ Александровичъ *Ратаевъ*. По словамъ Ратаева, онъ «въ Парижѣ засталъ наблюдательную часть въ состояніи, не соотвѣтствующемъ современнымъ требованіямъ розыска и полное отсутствіе секретной агентуры». «Я не хочу,—оговаривался Ратаевъ,—этимъ сказать, что ея не было у Рачковскаго, я только удостовѣряю, что не получилъ ни одного сотрудника». Помощникомъ Ратаева былъ въ значительной степени Азевъ (съ іюня 1903 г.). Ратаевъ организовалъ отдѣленія своего бюро въ Бельгіи, Швейцаріи и Германіи. Завѣдывающимъ берлинской агентурой, учрежденной въ 1902 году, былъ назначенъ Гартингъ. Помощникомъ его нѣкоторое время былъ Федоръ Ромуальдовичъ *Чарноцкій*, старый участникъ польской партіи «Пролетаріатъ», ставшій по возвращеніи изъ ссылки предателемъ. На содержаніе берлинской агентуры отпускались въ началѣ громадныя деньги (45.000 руб.). Тратилось на дѣло немного. Остатокъ дѣлился между Гартингомъ и Департаментомъ. Агентуру въ Галиціи организовывалъ извѣстный провокаторъ Михаилъ Ивановичъ Гуровичъ, разоблаченный въ началѣ 1900-хъ годовъ. По показанію агента Бинта, данному при допросѣ его Комиссаромъ Временнаго Правительства заграницею, работа Заграничной Агентуры заключалась въ надзорѣ за эмигрантами, ихъ революціонной работой, сношеніями, во вскрытіи корреспонденціи и охранѣ высокихъ особъ, пріѣзжавшихъ заграницу. Особенно усердно вскрывалась корреспонденція при Рачковскомъ.

Помимо Заграничной Агентуры Департамента нѣкоторыя

охранныя функціи были возложены въ 80—90-хъ годахъ на консуловъ. Особымъ циркуляромъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1884 г. на консуловъ была возложена обязанность заниматься политическимъ розыскомъ, сообщая свѣдѣнія о всякаго рода организаціяхъ, партіяхъ, революціонной литературѣ и т. п. не только въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, но и въ Департаментъ Полиціи (на имя директора). Этотъ циркуляръ касался лишь штатныхъ консуловъ, при томъ-же въ главныхъ центрахъ Европы (Берлинъ, Лондонъ, Парижъ, Женева). Нужно сказать, что въ 80—90-хъ годахъ нѣкоторые консулы (напримѣръ въ Берлинѣ) охотно исполняли этотъ циркуляръ, да и въ XX вѣкѣ цѣлый рядъ лицъ дипломатическаго вѣдомства охотно и съ увлеченіемъ принималъ участіе въ полицейско-охранной работѣ.

Гартингъ, работавшій въ Берлинѣ, велъ усиленныя интриги противъ своего начальника Ратаева, но въ февралѣ 1905 года долженъ былъ оставить завѣдываніе берлинскимъ бюро. Однако, лѣтомъ 1905 г. снова возсіяла звѣзда его патрона Рачковскаго, и *Гартингъ*, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, былъ назначенъ завѣдывающимъ Заграничной Агентурой (въ Парижѣ) на мѣсто Ратаева. Рапортъ его изъ Берлина, куда онъ пріѣхалъ для принятія дѣлъ, интересенъ, такъ какъ знакомитъ насъ съ положеніемъ дѣла охраны въ годъ революціи.

Уполномоченный Ратаева Ланге-Говоровъ сдалъ въ Генеральное Консульство архивъ, въ которомъ Гартингъ призналъ тотъ самый, который самъ онъ сдалъ, уѣзжая изъ Берлина въ февралѣ 1905 г., надв. сов. Мѣдникову. „Новыхъ же документовъ, которые поступили бы за послѣдніе 4 мѣсяца,—изъ Департамента-ли Полиціи, либо отъ другихъ лицъ,—въ сундукѣ никакихъ не оказалось, вслѣдствіе чего можно предполагать, что начиная съ марта мѣсяца, розыскная дѣятельность Берлинской агентуры была прекращена". Въ черновикѣ Гартингъ написалъ:—„Никакой дѣятельности не существовало". Изъ новыхъ бумагъ Гартингъ нашелъ только телеграммы отъ наружнаго агента берлинской агентуры *Вольца*, который настоятельно требовалъ высылки денегъ и извѣщалъ о задер-

жаніи женевской полиціей его, Вольца, равно какъ и другого агента Парижской Агентуры—нѣкоего *Маша*.

„При личномъ свиданіи названный Вольцъ подтвердилъ мнѣ содержаніе упомянутыхъ его телеграммъ (къ Ланге-Говорову), пояснивъ при этомъ, что, работая въ Швейцаріи безъ всякаго руководства, онъ и Машъ обратили на себя вниманіе мѣстныхъ властей, были задержаны Женевской полиціей и засимъ оба высланы изъ Женевы. Нѣкоторое время спустя Вольцъ и Машъ по порученію д. с. с. Ратаева, отправились въ Дюссельдорфъ, гдѣ Машъ былъ задержанъ мѣстною полиціей за долги и, просидѣвъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, былъ высланъ изъ Дюссельдорфа".

Далѣе Гартингъ сообщалъ не менѣе „печальныя" свѣдѣнія о Парижѣ, гдѣ Ратаевъ, при увольненіи, передалъ командированному изъ Департамента д. с. с. Лемтюжникову очень жалкое наслѣдство: „архивъ, 4 наружныхъ агента, 1 секретный сотрудникъ, нѣкій *Свѣтлицкій* (псевдонимъ), какъ разъ случайно пришедшій, по дѣламъ службы, въ канцелярію Агентуры, 79, улица Гренелль, адреса двухъ наружныхъ и одного внутренняго агента въ Лондонѣ и списокъ причастныхъ къ Агентурѣ Департамента Полиціи, проживающихъ въ Швейцаріи, лицъ (спеціально занимающихся перлюстраціей писемъ одного изъ участковъ города Женевы)". Здѣсь заслуживаетъ вниманія, что центръ политическаго розыска съ 1881 г. и до революціи 1917 г., помѣщался въ зданіи посольства въ Парижѣ, на улицѣ Гренель (подъѣздъ консульства); что агенты и провокаторы ходили (до 1913 г.) туда; и что письма усердно перлюстрировались не только въ Парижѣ, но и въ Женевѣ.

Гартингъ отмѣчалъ нижеслѣдующее: „въ Парижѣ, въ агентурѣ числится 6 человѣкъ. Изъ нихъ *Чашниковъ*, по старости, производительной работы дѣлать не можетъ. *Ильинъ* состоитъ машинистомъ. Изъ 4 наружныхъ агентовъ—для наблюденія употребляются только *Самбенъ* и *Левекъ*, который, какъ мнѣ извѣстно изъ дѣлъ,—особенными способностями не отличается; *Фернбахъ* годенъ лишь для собиранія справокъ; *Бинтъ*-же, прежде занимавшійся наружнымъ наблюденіемъ,

стоялъ при д. с. с. Ратаевѣ въ роли ближайшаго и довѣреннаго помощника; по наружному-же наблюденію на него какихъ порученій не возлагается и онъ заявляетъ, что набденіемъ больше заниматься не будетъ".

Въ Женевѣ Гартингъ насчитывалъ 6 человѣкъ, числящихся въ агентурѣ. Изъ нихъ *Риго*, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій наблюдательнымъ агентомъ, въ настоящее время къ таковой службѣ болѣе не пригоденъ вслѣдствіе характерной наружности (непомѣрно толстъ). *Депассель*, *Боке* и *Делеамонъ*, состоящіе на службѣ въ Женевской полиціи, пригодны лишь для доставленія въ Женевѣ Заграничной Агентурѣ Департаментъ Полиціи частнымъ образомъ—кое-какихъ справокъ о проживающихъ тамъ революціонерахъ. *Мерсіе* поставляетъ корреспонденцію для перлюстраціи, которую спеціально занимаются *Риго* и г-жа *Депассель*.

Въ Лондонѣ наружнымъ наблюденіемъ занимается агентъ *Фарсъ*, а собираніемъ справокъ—англичанинъ *Торпъ*.

Такимъ образомъ, для надобностей наружнаго наблюденія въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи—при настоящемъ наличномъ составѣ,—въ распоряженіи Заграничной Агентуры въ дѣйствительности остается всего лишь три человѣка",—заключалъ Гартингъ.

Гартингъ сильно критиковалъ способы расходованія денегъ своего предшественника. Отмѣтимъ нѣкоторыя детали: *Бинтъ* получалъ 1010 франковъ въ мѣсяцъ (800 жалованья и 210 на побочные расходы); *Фернбахъ*—705 фр, (500+205 поб. расх.) *Риго*—878 фр. (500+378 поб. расх.); *Левекъ* и *Самбэнъ* по 400 фр. Вообще на наружную агентуру Ратаевъ тратилъ въ мѣсяцъ 7.067 франковъ.

„Относительно побочныхъ расходовъ,—продолжалъ Гартингъ,—превысившихъ въ августѣ (1905 г.) 1.000 франковъ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что если въ истекшемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ, когда д. с. с. Ратаева не было въ Парижѣ; когда помимо перлюстраціи писемъ въ одномъ изъ участковъ гор. Женевы почти никакой работой никто изъ агентовъ не занимался,—какъ они сами о томъ заявили,—и когда въ Парижѣ почти никого изъ молодежи не остается (каникулярное время

для революціонеровъ),—то при постоянной правильной работѣ побочные расходы на этихъ лицъ несомнѣнно увеличатся еще на нѣсколько сотъ франковъ въ мѣсяцъ. А такъ какъ зимою работа по агентурѣ, даже при условіяхъ, существовавшихъ при моемъ предмѣстникѣ, идетъ гораздо интенсивнѣе, то мѣсячные расходы, соотвѣтственно упомянутому списку, превысятъ 8.000 франковъ. Если же принять во вниманіе, что расходы на письма и телеграммы достигали при г. Ратаевѣ, около 600 франковъ въ мѣсяцъ,—то въ распоряженіи завѣдывающаго Агентурою оставалось бы изъ ассигнованныхъ Департаментомъ Полиціи 11.200 франковъ не болѣе 2.500 фр. на внутреннюю агентуру, на командировки и разъѣзды агентовъ и на всякіе другіе непредвидѣнные расходы. При такихъ условіяхъ и съ такими средствами ставить серьезную внутреннюю агентуру является совершенно невозможнымъ"...

Отсюда видно, что Департаментъ, помимо содержанія личнаго состава бюро въ Парижѣ ассигновывалъ въ 1905 г. 134.400 франковъ на дѣло заграничнаго сыска.

Гартингъ спрашивалъ далѣе съ изумленіемъ: „какимъ образомъ мой предмѣстникъ, уплачивая такія сравнительно крупныя суммы нѣкоторымъ изъ наружныхъ агентовъ, могъ содержать еще секретныхъ сотрудниковъ и платить, напримѣръ, 900 франковъ въ мѣсяцъ извѣстному Департаменту Полиціи *Бабаджану* (псевдонимъ), нынѣ уѣхавшему по указанію г. Ратаева въ Россію, съ тѣмъ, кажется, чтобы постараться поступить на службу къ г. Гуровичу, тѣмъ болѣе, что, независимо Бабаджана, у него имѣлось еще нѣсколько мелкихъ секретныхъ сотрудниковъ, которые, при самомъ скромномъ жалованіи, несомнѣнно, получали, въ общей сложности, около 1.000 франковъ въ мѣсяцъ?...

Гартингъ не испрашивалъ новыхъ ассигновокъ, „разсчитывая найти нѣкоторыя свободныя средства, благодаря объединенію Парижской и Берлинской агентуръ. Гартингъ обращалъ вниманіе Рачковскаго на то, что, „съ одной стороны, предоставленныя въ распоряженіе Агентуры средства на веденіе дѣла никоимъ образомъ не позволяютъ ему сохранить полностью составъ нынѣ числящихся на службѣ лицъ при условіи

полученія ими подобнаго усиленнаго содержанія; съ другой-же стороны, едва ли представляется удобнымъ увольненіе въ настоящее время этихъ лицъ отъ службы, изъ нежеланія вызвать въ нихъ недовольство, которое, при распущенности этихъ людей, могло-бы дойти до посторонней публики и вызвать въ мѣстной (парижской) соціалистической прессѣ нежелательные разговоры о русской политической полиціи"...

Гартингъ считалъ невозможной работу Агентуры безъ пріисканія наружныхъ и внутреннихъ агентовъ, «такъ какъ послѣднихъ въ переданной мнѣ Агентурѣ не имѣется» и «почтительнѣйше осмѣливался просить,—буде Департаменту Полиціи удастся пріобрѣсть секретныхъ сотрудниковъ,—не отказать предоставить ихъ въ мое распоряженіе»,.. Нужно сказать, что Гартингу очень быстро удалось возобновить разрушенныя связи съ «секретными сотрудниками» и вновь привлечь къ дѣлу значительное число ихъ. Мы видимъ, какъ началъ работу Гекельманъ-Гартингъ. Пикантнѣе всего было то, что начальникомъ русской тайной полиціи въ Парижѣ сталъ человѣкъ, присужденный французскимъ судомъ на 5 лѣтъ въ тюрьму.

III. Лондонскій съѣздъ с.-д. и охрана. Гартингъ и шведская и датская полиція. Дѣло Азева.

Дѣятельность Гартинга длилась въ Парижѣ 4 года и закончилась съ большимъ шумомъ благодаря разоблаченіямъ Бурцева. Болѣе всего удѣляла Заграничная Агентура вниманія дѣятельности соціалистовъ-революціонеровъ, какъ партіи, часть которой участвовала въ терроръ. Вопросъ же личной безопасности царя и сановниковъ всегда стоялъ на первомъ планѣ. Больше всего провокаторовъ работало въ средѣ с.-р. Но не малое количество было сотрудниковъ Агентуры и среди соціалъ-демократовъ. Гартингъ, пожалуй, даже переоцѣнивалъ значеніе своихъ «сотрудниковъ» въ средѣ с.-д. Такъ. напримѣръ, 24 апрѣля 1907 г. онъ доносилъ директору Департа-

мента Полиціи: «при первомъ полученіи свѣдѣній о намѣреніи с.-д. созвать новый съѣздъ, я ясно представлялъ себѣ невыгодность допущенія такового заграницей, въ виду свободы, которой они пользуются здѣсь, но будучи въ то же время убѣжденъ, что воспрепятствовать имъ въ этомъ не удастся, мною были направлены *всѣ усилія* къ тому, чтобы съѣздъ этотъ состоялся въ Копенгагенѣ.

«Не говоря уже о полной поддержкѣ со стороны датскихъ полицейскихъ властей, въ которой я былъ увѣренъ, я обезпечилъ присутствованіе на съѣздѣ агентуры и принялъ всѣ мѣры къ тому, дабы не только офиціальныя засѣданія, но даже внутренняя жизнь и квартиры главныхъ участниковъ не миновали бы контроля и надзора Заграничной Агентуры... По полученіи телеграфнаго приказанія вашего превосходительства отъ 23 апрѣля относительно недопущенія съѣзда въ Копенгагенѣ я немедленно снесся по сему поводу съ начальникомъ копенгагенской полиціи. Нынѣ мною получены телеграфныя свѣдѣнія, что участники съѣзда направляются въ Лондонъ, гдѣ, вѣроятно, и произойдетъ съѣздъ. Благодаря особымъ условіямъ жизни въ Лондонѣ, невозможно разсчитывать на содѣйствіе мѣстныхъ полицейскихъ властей, и агентура едва-ли сможетъ, изъ опасенія провала, принять активное участіе въ работахъ съѣзда». Гартингъ добавлялъ, что своему «сотруднику» изъ с.-д. онъ выдалъ на разъѣзды по организаціи съѣзда 1000 франковъ и перевелъ еще 500 франковъ на поѣздку въ Лондонъ, «причемъ нѣтъ увѣренности, что въ послѣднемъ городѣ онъ сможетъ принять участіе въ съѣздѣ»...

Гартингъ состоялъ въ тѣсной связи не только съ французской полиціей, не только съ датской, какъ мы видѣли выше, но и съ шведской. Такъ, по поводу ареста осенью 1906 г. въ Стокгольмѣ анархиста Якова Черняка, Гартингъ писалъ въ Петербургъ директору Департамента: «въ случаѣ если бы ваше превосходительство признали цѣлесообразнымъ возбудить вопросъ о выдачѣ Черняка нашему правительству, я позволяю себѣ почтительнѣйше высказать мнѣніе, что благопріятнаго результата легче можно будетъ достигнуть, обратившись для сего съ письмомъ на имя стокгольмскаго поли-

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

ціймейстера *Гинце*; судя по заявленіямъ, сдѣланнымъ мнѣ за послѣднее мое пребываніе въ Стокгольмѣ начальникомъ мѣстной полиціи г. *Стендалемъ*,—можно думать, что при возбужденіи вопроса о выдачѣ Швеціей политическихъ преступниковъ путемъ дипломатическимъ не только потребуется гораздо болѣе времени, но необходимо будетъ къ тому же непремѣнно обосновать ходатайство на вполнѣ легальныхъ и фактическихъ доказательствахъ виновности». Очевидно, Гартингъ полагалъ, что черезъ посредство Гинце можно устроить выдачу и безъ «легальныхъ и фактическихъ доказательствъ виновности».

Въ 1906—7 г.г., проживая въ Петербургѣ и участвуя въ редактированіи «Былого», Бурцевъ вошелъ въ сношенія съ бывшимъ сотрудникомъ охраны М. О. Бакаемъ, который снабдилъ его цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ свѣдѣній о провокаторахъ и шпіонахъ, между прочимъ, свѣдѣніями о томъ, что въ с.-р.-овскомъ центрѣ есть крупный провокаторъ. Рѣчь шла объ Евно Азевѣ. Какъ только послѣдній узналъ, что предупрежденіе о провокаціи идетъ отъ «Былого», онъ немедленно настоялъ, чтобы были высланы оба редактора «Былого» Щеголевъ и Богучарскій, а самый журналъ закрытъ. Бурцевъ изъ Финляндіи проѣхалъ въ Парижъ, и здѣсь, при помощи Бакая, вскрылъ рядъ провокаторовъ. Вѣнцомъ его почти полуторагодичной работы было изобличеніе Азева. 26 декабря 1908 года (8 января 1909 г. по новому стилю) Азевъ былъ опубликованъ въ Парижѣ, какъ провокаторъ. Однако, Гартингъ имѣлъ своихъ агентовъ среди парижскихъ с.-р. и помимо Азева, доказательствомъ чего служитъ лежащій передъ нами отчетъ Гартинга «о состоявшемся 1—14 января 1909 г. въ секретномъ засѣданіи исключительно членовъ «правой» группы с.-р. по дѣлу *Азева*» (№ 8, 6—19 января 1909 года).

«На этомъ засѣданіи,—доносилъ Гартингъ,—состоявшемся подъ предсѣдательствоиъ *Фундаминскаго* (Бунакова), Викторъ

Черновъ произнесъ рѣчь, приблизительно, слѣдующаго содержанія: *)

«Азевъ, являясь однимъ изъ основателей партіи, пользовался за свою дѣятельность всеобщимъ въ ней уваженіемъ. Центральному Комитету партіи теперь стало извѣстно, что Азевъ имѣлъ сношенія съ Рачковскимъ въ 1902 г. (? *А. Г.*) и что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Плеве былъ убитъ *только* потому, что Рачковскій былъ заинтересованъ въ выполненіи сего террористическаго акта въ виду непріязненнаго отношенія къ нему.**) Хотя Ц. К. еще въ этомъ фактѣ не увѣренъ, но *Бурцевъ* и *Юделевскій* подтверждаютъ это обстоятельство. Въ то же время,—продолжаетъ ораторъ,—для Ц. К. *нѣтъ теперь* сомнѣнія, что Дурново не былъ убитъ только потому, что Азевъ этого не хотѣлъ.

«Черновъ утверждаетъ, что до 1905 года Азевъ обманывалъ Департаментъ Полиціи и не выдалъ *всего* ему извѣстнаго о партійныхъ дѣлахъ; по его словамъ, имѣются данныя, подтверждающія, что Департаментъ Полиціи не зналъ, какую крупную позицію занималъ Азевъ въ партіи с.-р. и что Департаментъ былъ увѣренъ, что онъ членомъ партіи не состоитъ и тѣмъ болѣе членомъ Ц. К. и боевой организаціи партіи. Въ Департаментѣ Полиціи Азеву вѣрили только потому, что онъ заявлялъ, что онъ знаетъ *все*, что дѣлается въ партіи с.-р. исключительно изъ за своего обширнаго знакомства съ участниками названной революціонной организаціи и лишь благодаря *Татарову* впослѣдствіи Департаментъ узналъ о дѣйствительно серьезной роли Азева среди с.-р.-овъ. Хотя, говоритъ Черновъ, до Ц. К. неоднократно доходили

*) Нужно отдать справедливость „сотруднику" Гартинга, составившему для него отчетъ. Его докладъ почти дословно совпадаетъ съ данными, обнародованными позже слѣдственной комиссіей по дѣлу Азева. *С. Св.*

**) „Позволяю себѣ отмѣтить, что въ моментъ убійства Плеве, д. с. с Рачковскій жилъ въ Варшавѣ и Азева не зналъ, который въ этотъ періодъ времени могъ лишь находиться въ распоряженіи преемника г. Рачковскаго, по должности завѣдующаго Заграничною Агентурою Д. П., д. с. с. Ратаева". Примѣчаніе Гартинга, который авансомъ старался выгородить своего начальника и благодѣтеля. *С. Св.*

слухи, что Азевъ—провокаторъ, но никогда не имѣлось для этого достаточныхъ уликъ и «боевики» *всегда* защищали Азева, «а они-то его знали лучше всѣхъ». Когда Азевъ заявилъ разъ, что рѣшилъ уйти изъ Боевой Организаціи, «боевики» хотѣли прекратить работу—теперь становится яснымъ, что *всѣ* они были игрушкой въ его рукахъ.

„Кто-же все это выяснилъ? Бакай?!—спрашиваетъ Черновъ и отвѣчаетъ, „что показанія Бакая ничего не выяснили, если бы „*другое лицо*", болѣе освѣдомленное, этому не помогло-бы".

„Имени этого человѣка Черновъ не назвалъ, но ясно, что рѣчь идетъ о Лопухинѣ",—добавилъ отъ себя Гартингъ.

„Бурцевъ,—продолжаетъ Черновъ,—видѣлся лично разъ съ этимъ „лицомъ", а затѣмъ переговоры съ нимъ велись при участіи посредника".

„По словамъ Чернова",—продолжалъ Гартингъ,—„достовѣрно извѣстно, что 11—24 ноября 1908 г. Азевъ былъ въ Петербургѣ у этого „лица" и просилъ у него не выдавать Бурцеву то, что онъ знаетъ, но „лицо" это все-же открыло ему извѣстное. Утверждаютъ также, что затѣмъ къ этому „лицу" явился генералъ Герасимовъ съ угрозами и что „лицо" это написало объ этихъ угрозахъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Столыпину и просило его охранять".

Здѣсь Гартингъ сдѣлалъ примѣчаніе: „по разсказамъ Бурцева, Лопухинымъ было написано три письма съ просьбою объ его охранѣ: одно Министру Внутреннихъ Дѣлъ Столыпину, другое—директору Департамента Полиціи Трусевичу и третье ген. Герасимову. По нѣкоторымъ агентурнымъ даннымъ, возможно допустить, что письма эти были доставлены по адресамъ Вѣрой Гоцъ, ѣздившей въ Россію, какъ думаютъ, по дѣлу Азева".

„Черновъ полагаетъ, что кадеты внесутъ въ Думу запросъ о роли Азева и просятъ Правительство, какъ оно могло имѣть сношенія съ человѣкомъ, который убилъ Плеве и вел. кн. Сергѣя Александровича и если, добавляетъ ораторъ, подобный запросъ состоится, то таковой внесетъ большую смуту въ странѣ"...

„Въ заключеніе ораторъ, говоря, что весь составъ Ц. К-та обязанъ подать въ отставку, потому что онъ *долженъ* былъ знать объ этомъ провокаторѣ и не зналъ, со слезами на глазахъ призывалъ всѣхъ с.-р.-овъ сплотиться и „начавъ чистую работу, забыть о той струѣ грязи, которая протекала за всю предыдущую дѣятельность въ партіи благодаря Азеву"...

Здѣсь невольно хочется сказать, что Черновъ, очевидно, не предполагалъ, что „струя грязи", въ видѣ провокаціи въ партіи с.-р., не ограничивалась лишь Азевымъ. Покаянныя рѣчи Чернова слушали внимательныя уши другихъ, „маленькихъ" Азевыхъ, для доклада тому-же Гартингу.

„Когда Черновъ окончилъ свою рѣчь, предсѣдательствовавшій Фундаминскій (Бунаковъ) и многіе изъ присутствовавшихъ плакали, другіе сидѣли съ опущенными головами, не произнося ни слова. По объявленіи 5 минутъ перерыва началось задаваніе вопросовъ... о томъ, правда-ли, что Азевъ получалъ 6 тысячъ руб. въ годъ отъ Ц. К. и правда-ли, что послѣдній устроилъ побѣгъ Азеву на воздушномъ шарѣ. На это Черновъ возразилъ, что Азевъ получалъ отъ Ц. К. только 125 руб. въ мѣсяцъ и что никакихъ воздушныхъ шаровъ для побѣга не было.

„На запросъ, не былъ-ли именно Азевымъ указанъ Гершуни въ Кіевѣ и не благодаря-ли ему арестованъ послѣдній, Черновъ отвѣтилъ, что Гершуни былъ задержанъ по указанію кіевскаго студента, который случайно находился въ томъ домѣ, гдѣ была получена телеграмма отъ Гершуни о его пріѣздѣ...

„На вопросъ, почему Черновъ не называетъ имени „лица", давшаго Ц. К. столь важныя свѣдѣнія объ Азевѣ, онъ отвѣтилъ, что Ц. К. не можетъ огласить имени этого человѣка до тѣхъ поръ, пока Бурцевъ не *дастъ* на это разрѣшеніе.

„На вопросъ: „почему не убили Азева",—Черновъ объявилъ, что были такіе, которые хотѣли, дѣйствительно, его убить, но что другіе готовы были его защищать съ оружіемъ въ рукахъ"...

Свѣдѣнія эти были получены Гартингомъ отъ с.-ра, который одной рукой отиралъ слезы покаянія, вмѣстѣ съ Черновымъ, а другою строчилъ рапортъ по начальству. Не менѣе

подробный докладъ былъ сдѣланъ Гартингу (а этимъ посланъ въ Департаментъ Полиціи) и „о засѣданіяхъ лѣвой группы с.-р. (Юделевскаго и Агафонова) по дѣлу Азева, 14 января 1909 г. Предсѣдательствовалъ В. К. Агафоновъ. Докладывалъ отъ имени „конспиративной комиссіи Юделевскій. Мы не будемъ повторять пункты обвиненій противъ Азева, изложенныя Юделевскимъ (они напечатаны въ „Протоколахъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Азева"). Послѣдній, 7-й пунктъ обвиненій, выдвинутыхъ „конспиративною комиссіей" противъ Азева, Юделевскій, по словамъ доклада Гартинга, формулировалъ такъ: „стоя во главѣ Боевой Организаціи, пользуясь полнымъ довѣріемъ Ц. К., который ему магически, будто бы, подчинялся, Азевъ являлся диктаторомъ, не допускавшимъ ни автономныхъ группъ, ни коллективныхъ выступленій противъ него, при чемъ люди, ему несочувствовавшіе или его подозрѣвавшіе роковымъ образомъ проваливались. Докладчикъ привелъ примѣры и фамиліи: *Гронскаго* и *Шефтеля* (дѣло побѣга Савинкова), *Черняка* и нѣкоторыхъ другихъ.

„Затѣмъ Юделевскій приступилъ къ объясненію руководства и участія Азева въ покушеніяхъ на Плеве, в. к. Сергѣя Александровича, Дубасова, Богдановича и фонъ-деръ-Лауница.

„О послѣднемъ, будто-бы, совершенно точно былъ освѣдомленъ состоявшій въ Департаментѣ Полиціи *Гуровичъ*, открыто говорившій, что „*все* и всегда можно устроить". Покушеніе на фонъ-деръ-Лауница произошло не такъ, какъ было указано Азевымъ, а по собственной иниціативѣ исполнителей. Это обстоятельство было, будто-бы, разъяснено Гуровичемъ Бакаю.

„Юделевскій добавилъ, что удавались многія дѣла, не бывшія извѣстными Азеву, а грандіозно задуманныя, при его руководствѣ и участіи, проваливались".

Далѣе, агентъ Гартинга сообщалъ изъ доклада Юделевскаго данныя объ угрозахъ 2 „боевиковъ" Бурцеву за его разоблаченія, о подтвержденіи обвиненій противъ Азева „высокопоставленнымъ лицомъ", и о томъ, что „по предъявленіи Ц. К. обвиненія Азеву, послѣднему было оставлено нѣсколько времени на размышленіе, пользуясь чѣмъ Азевъ скрылся"...

Изъ доклада о второмъ засѣданіи лѣвыхъ с.-р. (16 января н. с.) интересно привести, что „правый“ с.-р., нѣкій рабочій „Петръ“ обвинялъ въ провокаціи Бакая, какъ бывшаго охранника, но „поднялся шумъ; лѣвые с.-р. стали за Бакая“. Юделевскій указалъ, что „настоящая дѣятельность Бакая вполнѣ искупаетъ его прошлую вину, но что, конечно, Бакай *ни въ какія организаціи не войдетъ*“... Изъ другихъ подробностей собранія, разсказанныхъ Гартингомъ, отмѣтимъ, что „пытался говорить *Кузьминъ* („Графъ“) про Московское и Кронштадтское возстанія, указавъ, что и тамъ дѣйствовали провокаторы, но былъ прерванъ Фундаминскимъ, сказавшимъ, что такія рѣчи—это настоящій обвинительный актъ и что членъ Ц. К., на котораго онъ намекаетъ, работаетъ до сихъ поръ въ Россіи“.

„Юделевскій снова выступилъ, указывая на виновность Азева въ смерти Поливанова... Бурцевъ заявилъ, что жена Азева не знала о его провокаторской роли“...

„Затѣмъ перешли къ обсужденію вопроса по дѣлу подготовки покушенія на Бурцева, причемъ Юделевскій заявилъ, что кромѣ прибывшихъ для убійства Бурцева боевиковъ изъ Петербурга, есть еще одна опасность, но это секретъ, который онъ не можетъ пока оглашать“. Здѣсь Гартингъ поставилъ въ скобкахъ восклицательный знакъ, намекая на что-то понятное Департаменту Полиціи и ему самому.

Агентура Гартинга была и вблизи Юделевскаго, и вблизи Бурцева, ибо, далѣе, Гартингъ приводитъ слова того и другого изъ частныхъ ихъ бесѣдъ. „Въ частной бесѣдѣ Юделевскій говорилъ, что Бурцеву за деньги высылались изъ Петербурга „ложные списки провокаторовъ“, въ кои помѣщались лица вполнѣ честныя и не могущія быть заподозрѣнными. Юделевскій указываетъ на *Раковскаго* (Лернеръ), который, какъ достовѣрно извѣстно Бурцеву, является исполнительнымъ чиновникомъ и что ему, Лернеру, хотѣли даже приписать провалъ „Сѣверной Боевой Дружины“, между тѣмъ какъ, по отзыву Бурцева, Лернеръ былъ арестованъ за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе этого провала“.. „Юделевскій увѣряетъ, что „Карлъ“, передъ смертью, сообщилъ, что Азевъ—прово-

каторъ, на что Черновъ возражалъ, что отъ „Карла“ передъ казнью имъ, дѣйствительно, было получено письмо, но что въ послѣднемъ ничего подобнаго не говорилось“*).

Шпіоны вертѣлись и около Центральнаго Комитета с.-р. „Одинъ изъ ц-кистовъ,—пишетъ Гартингъ,—разсказываетъ, что Азевъ заявилъ нѣсколько времени тому назадъ, что онъ желаетъ исключительно заняться подготовленіемъ центральнаго акта (т. е.,—поясняетъ Гартингъ,—покушенія на Государя Императора), что это дѣло должно было быть приведено въ исполненіе при участіи лишь одного боевика (повидимому Савинкова“,—дѣлаетъ догадку Гартингъ) и „любителей“ (повидимому не-партійныхъ военныхъ), что все уже было готово, Государь находился въ нѣсколькихъ шагахъ, но... „пороху не хватило“. Азевъ не виноватъ, молъ, что это дѣло не удалось... Членъ Ц. К. разсказываетъ, что, на сдѣланное ему предложеніе быть менѣе загадочнымъ, заявилъ, что по конспиративнымъ соображеніямъ онъ пояснитъ этого теперь не можетъ“. Здѣсь Гартингъ высказалъ предположеніе: „Не идетъ ли рѣчь о центральномъ покушеніи, подготовлявшемся Азевымъ вмѣстѣ съ Савинковымъ съ годъ тому назадъ, когда послѣдній спѣшно бѣжалъ заграницу. Среди близкихъ къ Центру С.-Р. людей тогда говорили, что онъ бѣжалъ изъ за какой-то неудачи крупнаго акта, подготовлявшагося въ Финляндіи или въ Царскомъ“.

„Савинковъ,—продолжаетъ Гартингъ,—категорически увѣряетъ, что Азевъ не все сообщилъ про него Департаменту Полиціи или выдалъ только то, что ему было выгодно“. Далѣе идетъ агентурное сообщеніе о Бурцевѣ. „Въ интимной бесѣдѣ Бурцевъ разсказываетъ: послѣ уже упомянутыхъ доносовъ въ Центральномъ Комитетѣ о провокаторствѣ Татарова и Азева, къ послѣднему явился одинъ изъ боевиковъ, получившій такое извѣщеніе, и сказавъ, что знаетъ провокатора Татарова, спросилъ, а кто-же другой провокаторъ *Азевъ*. Азевъ, будто-бы, мгновенно нашелся и отвѣтилъ: „Азевъ—это значитъ я, Азевъ“. Указавъ, что обстоятельство это было темой бесѣды между завѣдывавшимъ Особымъ Отдѣломъ

*) „Карлъ“—кличка террориста Траубенберга. *С. Св.*

Н. А. Макаровымъ и завѣдывавшимъ Заграничной Агентурой Ратаевымъ, въ высшей степени расхваливавшими находчивость Азева, Бурцевъ добавилъ, что это извѣстно Бакаю отъ Мѣдникова.

„Представляется вѣроятнымъ,—догадывался Гартингъ,—что Бакай могъ узнать объ этомъ разговорѣ отъ Мѣдникова, передававшаго о немъ у себя дома своей сожительницѣ, бывшей въ курсѣ всего происходившаго въ Департаментѣ Полиціи, въ присутствіи Бакая, или что этотъ разговоръ могъ быть переданъ Бакаю Гуровичемъ, узнавшимъ о немъ отъ того-же Мѣдникова. Сопоставляя моментъ побѣга Азева изъ Парижа и имѣвшіяся уже тогда у Ц. К., дней десять, достовѣрныя свѣдѣнія о его провокаторствѣ, является весьма вѣроятнымъ, что Лопухинъ могъ дать извѣщенія Ц. К-ту въ Парижѣ 21 декабря н. с., а не 21 ноября.

„Въ Ноябрѣ же Азевъ, повидимому, былъ у Лопухина въ Петербургѣ, причемъ Лопухинъ сначала хотѣлъ, яко-бы, прогнать его, а потомъ говорилъ съ нимъ минутъ 30; въ это время за Азевымъ, будто-бы, стояло на улицѣ наблюденіе отъ с.-р. видѣвшихъ, какъ онъ былъ у Лопухина. Говорятъ, что Лопухинъ, испугавшись послѣ визита къ нему ген. Герасимова, не хотѣлъ продолжать своихъ разоблаченій, но его жена заставила его продолжать ихъ, сказавъ, что если онъ прекратитъ таковыя, то она со своими дочерьми пойдетъ къ с.-р.-амъ и сама разскажетъ все то, что ей извѣстно.

„Ц.-кисты не довѣряли Бурцеву, когда онъ имъ сообщалъ свѣдѣнія, получавшіяся, какъ онъ самъ говорилъ, отъ мелкихъ чиновниковъ Департамента Полиціи; но затѣмъ было найдено какое-то крупное лицо, которому, какъ ц.-кисты, такъ и Бурцевъ довѣряютъ и коему довѣряетъ также Лопухинъ, и это-то лицо состоитъ и будетъ впредь состоять посредникомъ въ сношеніяхъ с.-р.-овъ съ Лопухинымъ. Онъ, будто бы, обѣщалъ дать с.-р.-амъ все, что ему извѣстно и передалъ уже двѣ телеграммы къ Азеву, одна подписанная „Pierre“, т. е. Рачковскій, а другая—„Michel“, т. е. Гуровичъ. (Не были-ли эти телеграммы адресованы Татарову, а не Азеву“, —догадывался Гартингъ).

„Ц.—кисты увѣрены, что Лопухинъ безусловно искренъ и преданъ революціонерамъ, хотя и принадлежитъ къ умѣреннымъ элементамъ и своими показаніями онъ сможетъ спасти русскую революцію. Они говорятъ, что онъ не боится преслѣдованій Русскаго Правительства, такъ какъ онъ обо всемъ совѣщался съ адвокатами.

„Бурцевъ имѣетъ матеріалъ, доказывающій сношенія Азева съ Рачковскимъ, Ратаевымъ (о сношеніяхъ съ коимъ они письменныхъ данныхъ, будто-бы не имѣютъ), и ген. Герасимовымъ".

Далѣе Гартингъ, сообщая составъ „конспиративной" слѣдственной коммиссіи по дѣлу Азева, называлъ ея членами Бакая и Бурцева. „Для меня ясно,—писалъ онъ,—что хотя теперь роль Бакая сознательно отводится на второй планъ, но онъ былъ душою всего слѣдственнаго дѣла, такъ какъ онъ одинъ знакомъ съ системой розыска въ нашихъ Охранныхъ Отдѣленіяхъ и сумѣлъ добытыя данныя суммировать и ихъ использовать.

„Приходится жалѣть,—признавался Гартингъ,—что не было найдено возможнымъ способствовать высылкѣ Бакая изъ предѣловъ Франціи, поводомъ къ чему могла послужить жалоба Гутмана („Турокъ"). Здѣсь небезполезно замѣтить, что Гутманъ былъ провокаторомъ сперва въ Виленскомъ Охранномъ Отдѣленіи, а затѣмъ, въ 1908 г., въ Парижѣ, подъ кличкою „Турокъ", но былъ быстро разоблаченъ Бурцевымъ и Бакаемъ. Гартингъ сообщаетъ очень интересную вещь, что „префектъ полиціи былъ готовъ тогда (1908) провести это дѣло", т. е. высылку Бакая по жалобѣ провокатора. „Престижъ Бакая и Бурцева,—сокрушался Гартингъ,—до того нынѣ возросъ, что теперь добиться ихъ высылки невозможно".

„Какъ ваше превосходительство изволите усмотрѣть изъ прилагаемой статьи „L'Humanité", подъ заглавіемъ "L'extraordinaire scandal policier", Бакай уже является „героемъ", бывшимъ „Начальникомъ секретной полиціи" въ Варшавѣ и несомнѣнно, что, если вопросъ о его высылкѣ былъ бы поднятъ теперь, французскіе соціалисты будутъ его защищать всѣми способами.

„Дабы не дать окрѣпнуть легендѣ, что такія серьезныя лица, какъ б. Директоръ Департамента Полиціи Лопухинъ и „Начальникъ Варшавской секретной полиціи" Бакай, переходятъ на сторону революціонеровъ, казалось бы полезнымъ немедленно огласить въ русской и заграничной прессѣ подробную характеристику Бакая, съ цѣлью развѣнчать его личность, какъ „героя", для чего сообщить всѣ извѣстные факты, какъ о его прежнемъ секретномъ сотрудничествѣ, такъ и о его „чиновничьихъ" подвигахъ по подлогамъ и освобожденію арестованныхъ за деньги, также слѣдовало-бы освѣтить и роль Лопухина. Дѣлать изъ его поведенія секретъ кажется совершенно излишнимъ, въ виду того, что революціонеры во все посвящены и въ газетной компаніи, ими начатой, будуть освѣщать всѣ событія, сообразуясь съ выгодами момента. Не знаю, можно-ли подвергнуть Лопухина судебному преслѣдованію, но печатное освѣщеніе его роли лишитъ революціонеровъ почвы для скандала, ими затѣваемаго, и покажетъ обществу, что Правительство, стоя выше подобныхъ нападокъ, не боится разоблаченій быв. Директора Лопухина, вступившаго теперь въ союзъ съ с.-рами изъ чувства личнаго недовольства и мести"... Какъ извѣстно, вскорѣ по полученіи этого рапорта Гартинга, правительство арестовало Лопухина и судило его „варваринымъ" судомъ съ нарушеніемъ всѣхъ формъ уголовнаго судопроизводства.

„Мною,—продолжалъ Гартингъ,—дѣлаются попытки пріостановить или ослабить газетную здѣшнюю кампанію; Императорскій посолъ, съ коимъ я имѣлъ по сему поводу подробныя объясненія, съ своей стороны, попытается переговорить объ этомъ съ Президентомъ Совѣта Министровъ Клемансо; но, къ сожалѣнію, находитъ онъ, Клемансо врядъ-ли сможетъ оказать въ этомъ смыслѣ содѣйствіе, въ виду того, что онъ, съ одной стороны, боится Жореса и соціалистовъ, а съ другой стороны, вслѣдствіе малаго вліянія, которое онъ можетъ проявить на французскую прессу.

„Подобное сообщеніе,—думалъ Гартингъ,—въ русской и заграничной прессѣ можетъ способствовать пріостановленію газетной кампаніи и свести съ пьедестала „героевъ".

„Бакай до сихъ поръ является однимъ изъ руководителей въ секретной революціонной организаціи, составленной Бурцевымъ и поставившей себѣ цѣлью вести поочередно секретное наблюденіе за членами партіи с.-р., съ цѣлью выясненія, не состоитъ-ли кто-либо изъ нихъ въ сношеніяхъ съ заграничной русской политической полиціей.

„Характерно,—отмѣчалъ Гартингх,—что на роль Бакая одинаково со мною смотритъ с.-р. Лазаревъ, въ письмѣ коего къ Натансону, при семъ прилагаемомъ въ копіи и калькѣ, высказывается вредъ (sic!), что Бакай сталъ теперь „героемъ".

„Вышеприведенныя свѣдѣнія о роли Лопухина разсказываются не публично, а въ крайне конспиративномъ кругу лицъ и, какъ с.-ры, такъ и Бурцевъ, весьма жалѣютъ, что имя Лопухина проникло въ прессу, и считаютъ, что это обстоятельство является или нескромностью кого-либо изъ членовъ партіи или скорѣе даже выступленіемъ русскаго правительства".

Очень пикантны сообщенія Гартинга о томъ, что былъ заподозрѣнъ даже В. М. Черновъ: „среди с.-ровъ ходятъ въ настоящее время упорные, хотя пока тщательно скрываемые, слухи о провокаторствѣ также и Виктора Чернова. Цитируются слѣдующіе три факта: 1) какой-то маленькій чиновникъ Департамента Полиціи передавалъ, что Черновъ состоитъ на службѣ у правительства; 2) когда производился въ Петербургѣ обыскъ въ редакціи „Мысль", Черновъ успѣлъ, будто-бы, скрыться, выскочивъ изъ окна, послѣ чего немедленно отправился на свиданіе съ какимъ-то крупнымъ правительственнымъ лицомъ, и 3) на какомъ-то свиданіи былъ замѣченъ въ формѣ пристава переодѣтый Черновъ; фактъ этотъ сообщенъ с.-рамъ преданными имъ Саратовскими филерами",..

Далѣе шли догадки объ источникахъ всевѣдѣнія Бурцева. „Увѣряютъ, что Бурцевъ находится въ сношеніяхъ съ цѣлымъ рядомъ чиновниковъ, служащихъ въ Департаментѣ Полиціи и въ Охранныхъ Отдѣленіяхъ и сообщающихъ ему свѣдѣнія частью за деньги, частью изъ сочувствія революціонному движенію.

„Хотя въ данный моментъ въ революціонной средѣ о завѣдующемъ Заграничной Агентурой пока открыто не гово-

рятъ, но на-дняхъ Бурцевъ въ крайне интимной бесѣдѣ высказался, что „Гартинга“ надо убрать во что бы то ни стало, но втихомолку. Это меня наводитъ на мысль, что Лопухинъ говорилъ революціонерамъ и про меня“...

IV. Разоблаченіе Гартинга Бурцевымъ. Новый начальникъ Заграничной Агентуры Красильниковъ (1909—1917). Преобразованіе Агентуры въ 1913 году. Положеніе Охраны.

Мы привели весьма подробно содержаніе обширнаго рапорта Гартинга по дѣлу Азева для того, чтобы дать читателямъ представленіе о работѣ Заграничной Агентуры, о ея освѣдомленности въ весьма секретныхъ партійныхъ дѣлахъ, о томъ кольцѣ шпіоновъ, которое вертѣлось около Бурцева, какъ одного изъ наиболѣе опасныхъ для охраны лицъ и т. д. Разоблачительная дѣятельность Бурцева продолжалась. Имъ были вскрыты такіе крупные провокаторы, какъ с.-р. „Марія Цихоцкая“, она-же Татьяна Максимовна *Цетлинъ*; какъ Зинаида Сергѣевна *Жученко* и мн. др.—10/23 апрѣля 1909 г. Гартингъ, за подписью „Жакъ“, послалъ директору Департамента Полиціи Климовичу телеграмму: „Цехоцкая призналась любовныхъ отношеніяхъ Доброскоковымъ и службѣ охранкѣ. Найдены письма послѣдней. Зеньковскій также былъ временно арестованъ революціонерами и будетъ пропечатанъ. Это надѣлаетъ много шуму“. Лица, о которыхъ идетъ рѣчь въ телеграммѣ Гартинга были: Цетлинъ—видная с.-р., секретная сотрудница Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія; Доброскоковъ—чиновникъ особыхъ порученій Департамента Полиціи—дѣятель среди с.-д., разоблаченный въ 1905 г., какъ крупнѣйшій провокаторъ (кличка „Николай-Золотые Очки“); Зеньковскій—Синьковскій, с.-р., подлинная фамилія Дѣевъ. Синьковскій и Цетлинъ были арестованы, изобличены и судимы с.-рами въ Парижѣ. Вскрыть ихъ удалось благодаря тому, что на сторону

Бурцева перешелъ одинъ изъ наблюдательныхъ агентовъ Гартинга Лейтисъ (кличка Лурихъ). 29 апрѣля—12 мая 1909 г., „Жакъ" телеграфировалъ въ Петербургъ: „измѣна Луриха, несомнѣнно начавшаяся давно уже, поставила въ крайнюю опасность не только всѣхъ людей, съ которыми видался Андреевъ" (N B: жандармскій офицеръ, помощникъ Гартинга),—„но и я (sic!); лишь полное признаніе Луриха поможетъ мнѣ уяснить, будетъ-ли хоть кто либо спасенъ изъ здѣшнихъ агентуръ. Подробности доложу лично. Прошу вернуть Андреева какъ можно скорѣе и разрѣшить мнѣ прибыть тогда для доклада въ Петербургъ". Разоблаченному Гартингу не пришлось пробыть долго на посту. Его временно замѣнялъ ротмистръ Андреевъ, работавшій вмѣстѣ съ ротм. Долговымъ. Въ ноябрѣ 1909 г. былъ назначенъ, на мѣсто Гартинга, чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, прикомандированный къ Департаменту Полиціи, колл. сов. Александръ Александровичъ *Красильниковъ*. За $7^1/_2$ лѣтъ службы въ Парижѣ онъ дослужился до дѣйств. стат. сов. и былъ ликвидированъ революціей 1917 года. За это время ему пришлось реформировать Агентуру и придать ей довольно стройный видъ. „Реформа" произошла въ 1913 году.

24 августа—6 сентября 1913 г. Красильниковъ обратился къ директору Департамента Полиціи С. П. Бѣлецкому съ донесеніемъ слѣдующаго содержанія: „Событія послѣдняго времени, шантажная противъ Заграничной Агентуры кампанія Леонэ, инцидентъ Леонэ-Фонтана и возможные еще по этому поводу запросы соціалистовъ въ Парламентѣ—настоятельно выдвигаютъ вопросъ о необходимости организаціи наружнаго наблюденія на другихъ основаніяхъ, въ цѣляхъ, главнымъ образомъ, дать возможность Французскому Правительству опровергать обвиненіе въ томъ, что оно допускаетъ содержаніе Русскимъ Правительствомъ во Франціи собственной политической полиціи.

„Если эта цѣль будетъ хотя отчасти достигнута, то сама собою отпадетъ и поддержка Бурцева и его сотрудниковъ соціалистическими депутатами, преслѣдующими, конечно, главнымъ образомъ, свои лично-партійныя цѣли и пользующимися

только случаемъ поставить Правительство въ затруднительное положеніе".

При этомъ Красильниковъ представлялъ подробную докладную записку, которую мы считаемъ долгомъ привести здѣсь въ главныхъ ея чертахъ.

„Вступивъ въ завѣдываніе Заграничною Агентурою", писалъ Красильниковъ,—„вскорѣ послѣ того, когда во Французскомъ Парламентѣ Предсѣдатель Совѣта Министровъ Клемансо, отвѣчая на запросъ по дѣлу А. М. Гартинга, сдѣлалъ извѣстное заявленіе, что иностранныхъ полицій во Франціи болѣе не существуетъ, мнѣ пришлось сразу считаться съ тѣми невозможными условіями, въ которыя поставило Заграничную Агентуру это заявленіе главы Французскаго Правительства того времени.

„Послѣ такого заявленія Предсѣдателя Совѣта Министровъ, принятаго Палатою къ свѣдѣнію, Заграничная Агентура оказалась во Франціи въ нелегальномъ положеніи, и вслѣдствіе сего ей пришлось осуществлять свою дѣятельность въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ.

„Послѣ указаннаго выше инцидента въ Парламентѣ Французское Правительство относилось къ Заграничной Агентурѣ съ особою осторожностью; впослѣдствіи, когда мнѣ удалось заслужить довѣріе Французскихъ властей, отношеніе это дѣлалось все лучше и лучше, а затѣмъ уже Заграничной Агентурѣ стало ими оказываться и оказывается нынѣ полное во всемъ содѣйствіе, но при этомъ, однако, Французскія власти чрезвычайно опасаются всего, что можетъ служить указаніемъ на продолженіе существованія во Франціи русской политической полиціи. Всякій инцидентъ, могущій быть использованъ въ этомъ смыслѣ, вызываетъ въ Правительственныхъ сферахъ безпокойство и переполохъ въ виду возможности по этому поводу запроса въ Парламентѣ.

„Такое „нелегальное" существованіе Заграничной Агентуры при крайней чувствительности Французскихъ властей ко всякимъ инцидентамъ, могущимъ поднять вопросъ о продолженіи ея дѣятельности во Франціи, создаетъ ей чрезвычайно трудное положеніе.

Положеніе это является особенно ненормальнымъ по отношенію къ агентамъ наружнаго наблюденія, призваннымъ осуществлять эту „нелегальную“ дѣятельность агентуры.

Агенты эти, отлично освѣдомленные о томъ положеніи, въ которое поставлена агентура, далеко не являются людьми, вѣрными своему долгу, способными сохранить служебную тайну; наоборотъ, большинство изъ нихъ, за малымъ исключеніемъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести, главнымъ образомъ, англичанъ, готовы эксплоатировать въ личныхъ интересахъ не только все то, что имъ могло сдѣлаться извѣстно, но и самый фактъ нахожденія ихъ на службѣ у Русскаго Правительства или какъ они выражаются для придачи этому факту болѣе компрометирующаго значенія—„на службѣ у Русскаго Посольства“.

„Въ результатѣ получается совершенно ненормальное положеніе: агенты наружнаго наблюденія находятся на службѣ Департамента Полиціи; хорошо Департаментомъ оплачиваются, а между тѣмъ, въ силу существующихъ условій, приходится съ ними считаться, постоянно имѣя въ виду, что каждый изъ нихъ не только можетъ, но и вполнѣ способенъ при первомъ случаѣ поднять шумъ, вызвать инцидентъ, который поставитъ Заграничную Агентуру въ затруднительное положеніе.

„Пока агентъ исполняетъ свои обязанности добросовѣстно, все идетъ хорошо, но когда онъ отъ этого уклоняется и приходится съ него взыскивать, въ особенности же въ случаяхъ увольненія, тогда „волкъ показываетъ зубы“ и начинается всякаго рода шантажъ, или прямо измѣна.

„Принимая во вниманіе, что агентовъ много и всякое попустительство по отношенію къ одному служитъ отвратительнымъ примѣромъ для другихъ, что безусловная дисциплина необходима въ столь важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, завѣдующему Заграничною Агентурою необходимо строго преслѣдовать всякое отъ нея уклоненіе, но, съ другой стороны, ему постоянно приходится считаться съ рискомъ вызвать непріятную исторію въ случаѣ неповиновенія или мести провинившагося агента, являющагося, какъ и всѣ его товарищи, носителемъ служебныхъ тайнъ и личнымъ участникомъ нелегальной

дѣятельности Заграничной Агентуры. Когда же такіе инциденты начинаются, то положеніе становится тѣмъ тяжелѣе и непріятнѣе, что приходится идти на компромиссы вмѣсто того, чтобы отвѣтить виновному по достоинству.

„При вступленіи моемъ въ завѣдываніе Заграничною Агентурою мнѣ пришлось вести переговоры съ бывшимъ агентомъ *Озанномъ*, угрожавшимъ разоблаченіями и требовавшимъ уплаты ему 5.000 франковъ. Послѣ многихъ перипетій и при содѣйствіи нѣкоторыхъ чиновъ Префектуры удалось привести Озанна къ согласію удовольствоваться 3500 фр. (!), которые и были Департаментомъ ему уплачены (донесеніе за № 654—1909 г.).

Послѣ этого начались требованія бывшаго агента *Демайлля*, тоже угрожавшаго разоблаченіями. Департаментомъ было уплачено ему 750 франковъ.

Чтобы на сколько возможно обезопасить себя отъ повторенія подобныхъ инцидентовъ, мною, съ разрѣшенія Департамента, при увольненіи агентовъ, выдавалась имъ индемнизація въ размѣрѣ трехмѣсячнаго оклада жалованья, но однако и это вознагражденіе не мѣшало нѣкоторымъ агентамъ въ той или другой степени стараться вредить дѣлу, которому они прежде служили.

Лучшимъ примѣромъ, яркой иллюстраціей всего того, что я имѣю честь докладывать выше, является дѣло съ *Леоне*, который, будучи уволенъ за самое недобросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей и всякіе неблаговидные поступки, тѣмъ не менѣе все же получилъ вознагражденіе въ 750 фр., выдавъ росписку въ полномъ удовлетвореніи.

Этотъ же Леоне черезъ годъ заявляетъ о своемъ желаніи быть вновь принятымъ на службу, сначала проситъ, затѣмъ требуетъ, наконецъ угрожаетъ и, въ концѣ концовъ, идетъ къ Бурцеву, который, при помощи его, поднимаетъ противъ Заграничной Агентуры цѣлый походъ. При этомъ оказалось что Леоне во все время своей службы тщательно отмѣчалъ себѣ все, что могло представлять интересъ, сохранилъ нѣкоторыя письма, другія сфотографировалъ, утаилъ довѣрен-

ныя ему фотографіи, однимъ словомъ, систематически все время готовился къ будущей измѣнѣ.

Когда же моментъ этой измѣны наступилъ, то этотъ итальянецъ, ни разу не ступавшій на французскую территорію, никогда меня не видавшій и не получавшій отъ меня ни слова, заявляетъ всюду и вездѣ, что онъ состоялъ на службѣ у Русскаго Посольства въ Парижѣ и что я былъ его начальникомъ, и это, несмотря на то, что взятая съ него при выдачѣ ему 750 фр. вознагражденія, подписка, собственноручно имъ написанная на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, гласитъ, что онъ „состоялъ на службѣ въ справочномъ бюро Биттаръ-Монена, отъ котораго и получилъ полное удовлетвореніе".

Ясно, что наименованіе себя агентомъ Русскаго Посольства въ Парижѣ было для Леоне необходимо, чтобы придать важность своимъ разоблаченіямъ, ибо кому, кромѣ Бурцева могла бы быть интересна дѣятельность частно-справочнаго или даже розыскного бюро, тогда какъ обвиненіе Русскаго Посольства въ розыскной дѣятельности, въ содержаніи агентовъ для наблюденія за эмигрантами являлось дѣломъ громкимъ, имѣющимъ уже политическое значеніе, а потому могущимъ найти поддержку и среди французскихъ соціалистовъ, какъ поводъ къ выступленію противъ Правительства.

Необходимо при этомъ отмѣтить и тотъ фактъ, что Леоне встрѣтилъ поддержку и содѣйствіе и со стороны бывшихъ агентовъ Заграничной Агентуры, которыхъ онъ разыскалъ въ Парижѣ.

Несмотря на то, что эти бывшіе агенты, получившіе при увольненіи особое вознагражденіе по 750 франковъ, отлично знали выступленіе Леоне, одинъ изъ нихъ *Геннекенъ* помогалъ ему деньгами, безъ которыхъ онъ бы не прожилъ въ Парижѣ, другой—*Робайлъ*—кромѣ денежной помощи еще сообщилъ ему всѣ неизвѣстные Леоне, а извѣстные ему, Робайлю, имена и адреса агентовъ наблюденія, каковые адреса Леоне тотчасъ же сообщилъ Бурцеву.

Послѣ Леоне, другой агентъ, уволенный за надувательство, за посылаемыя имъ ложныя донесенія, тогда какъ онъ

находился у своей жены—далеко отъ мѣста наблюденія,—*Жолливе* тоже обратился къ Бурцеву и предложилъ ему продать какіе-то документы и сдѣлать разоблаченія, и дѣло не состоялось только потому, что у Бурцева не было денегъ. А между тѣмъ Жолливе, бывшій агентъ Парижской Полицейской Префектуры, былъ мнѣ отлично рекомендованъ, при разсчетѣ съ нимъ, несмотря на изобличеніе его въ обманѣ, ему, кромѣ полнаго разсчета, выдано было еще вознагражденія въ размѣрѣ мѣсячнаго оклада содержанія *).

„Къ сожалѣнію, долженъ доложить, что всѣ эти примѣры не есть исключеніе, и что повторенія подобныхъ инцидентовъ можно ожидать постоянно по тому или другому поводу; болѣе того, мнѣ отлично извѣстно, что многіе агенты тщательно записываютъ все то, что дѣлаютъ сами и то, что поручается ихъ товарищамъ, службою коихъ они постоянно интересуются. Цѣль такого интереса и этихъ записей понятна сама собою—создать себѣ матеріалъ для использованія въ будущемъ".

Ламентаціи г. Красильникова по поводу „измѣны" агентовъ наружнаго наблюденія крайне интересны. Онѣ показываютъ, что не только одни „секретные сотрудники", вродѣ Азева, Жученко и Цетлинъ, но и иностранцы-филеры приносили немало огорченій Департаменту Полиціи. Скверные людишки были англійскіе и французскіе шпіоны Департамента Полиціи и умѣло пользовались „нелегальнымъ" существованіемъ русской Заграничной Агентуры. Вполнѣ понятно, что Красильниковъ находилъ такое положеніе вещей невыносимымъ, хотѣлъ положить ему конецъ, а исходъ видѣлъ въ томъ, чтобы „наблюденіе осуществлялось вполнѣ легально"... Весьма остроумно искалъ онъ способъ устроить дѣла политической полиціи на манеръ клерикаловъ, которые успѣшно боролись на практикѣ съ радикальнымъ законодательствомъ: „когда въ 1901 году изданъ былъ во Франціи законъ, воспрещающій воспитаніе юношества монашескимъ орденамъ, то послѣдніе тотчасъ же преобразовали свои учебныя заведенія,

*) Несмотря на этотъ отзывъ о Жолливе Красильниковъ держалъ его при себѣ до 1917 г. *С. Св.*

послѣ чего продолжали по прежнему свое преподаваніе, но только подъ личиной школъ, содержимыхъ частными лицами или обществами.

„Нѣчто подобное,—докладывалъ Директору Департамента Полиціи Красильниковъ,—было бы необходимо предпринять для дальнѣйшаго осуществленія во Франціи наружнаго наблюденія, создавъ для этого легально функціонирующій органъ, который бы не подлежалъ шантажу, основанному лишь на томъ, что наблюденіе это ведется нелегально.

Въ донесеніи отъ 11—24 іюня 1910 г. за № 612 я уже имѣлъ честь докладывать о необходимости поставить дѣло наружнаго наблюденія такимъ образомъ, чтобы филеры не могли считать себя на службѣ у Русскаго Императорскаго Посольства и что мною принимаются къ тому всѣ мѣры.

Прекративъ допускъ агентовъ въ зданіе Посольства, запретивъ посылку по адресу его донесеній наблюденія и вообще всякой конспиративной корреспонденціи и объявивъ, наконецъ, всѣмъ филерамъ, путемъ предъявленія имъ письменнаго разъясненія, представленнаго при донесеніи за № 1013—1911 г., что Императорское Посольство, какъ дипломатическое учрежденіе, полицейскимъ дѣломъ и розыскомъ не занимается и никакихъ агентовъ не содержитъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ старался все обставить такимъ образомъ, какъ будто агенты находятся на службѣ у Биттара-Монена, частнаго лица.

Однако, несмотря на то, что вся „видимость“ была за эту версію, все же агенты наблюденія при каждомъ нужномъ для нихъ случаѣ заявляли, что они находятся на службѣ въ Русскомъ Посольствѣ.

Инцидентъ Леоне показываетъ, что одна „видимость“ совершенно недостаточна и что необходимо по самому существу дѣла все поставить такимъ образомъ, чтобы подобнаго рода заявленія противорѣчили бы самой очевидности, которую можно бы было въ случаѣ надобности установить документально.

Эта же цѣль можетъ быть достигнута только совершенной ликвидаціей всего состава наружнаго наблюденія во Франціи и Италіи, которому было бы объявлено, что въ виду инцидентовъ послѣдняго времени и повторяющихся случаевъ из-

мѣнъ, Заграничная Агентура прекращаетъ окончательно свое существованіе, что ни кого не удивитъ, ибо филеры сами понимаютъ, что дальше такое положеніе продолжаться не можетъ.

Эта ликвидація съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей—выдачею увольняемымъ агентамъ ихъ документовъ, полученіемъ отъ нихъ росписокъ въ полномъ удовлетвореніи и т. п.—составила бы первый пунктъ той программы, которую необходимо бы было нынѣ выполнить, чтобы достичь указанной выше цѣли.

„Второй же пунктъ состоялъ бы послѣ этого въ организаціи съ соблюденіемъ всѣхъ требованій французскаго закона, частнаго розыскного бюро, которое бы, какъ многія другія подобныя предпріятія, уже существующія въ Парижѣ и во Франціи вообще, могло бы заниматься розыскной дѣятельностью и наблюденіями вполнѣ легально.

„Бывшій начальникъ Парижской сыскной полиціи Горонъ, выйдя въ отставку, открылъ розыскное бюро, существующее до сихъ поръ и зарабатываетъ хорошія деньги. Завѣдывавшій когда то наблюденіемъ при Заграничной Агентурѣ Альфредъ Девернинъ, тоже занимается нынѣ частнымъ розыскомъ, и никто не будетъ удивленъ, если теперь, послѣ окончательной ликвидаціи, старшій агентъ Бинтъ объявитъ другимъ филерамъ, что, чувствуя себя еще въ силахъ работать и сдѣлавъ за 32 года своей службы кое-какія сбереженія, онъ намѣренъ тоже открыть розыскное бюро по примѣру Горона, Девернина и другихъ.

„При этомъ Бинтъ предложитъ нѣкоторымъ изъ агентовъ и только лучшимъ изъ нихъ пойти къ нему на службу, выработаетъ съ ними условія и заключитъ съ каждымъ изъ нихъ договоръ найма, который будетъ зарегистрированъ согласно закона.

„Выполнивъ затѣмъ всѣ требующіяся закономъ формальности, Бинтъ устроится въ нанятомъ для его бюро помѣщеніи, начнетъ свою частную дѣятельность, дѣлая, по примѣру другихъ частныхъ полицейскихъ бюро, соотвѣтствующія рекламныя объявленія въ нѣкоторыхъ газетахъ, съ указаніемъ адреса бюро, № телефона и т. д.. приблизительно такого содержанія:

„Генрихъ Бинтъ, бывшій инспекторъ сыскной полиціи. Дознаніе, розыскъ, частныя наблюденія".

„Если на такое объявленіе кто-нибудь отзовется, то Бинтъ не будетъ отказываться первое время отъ исполненія предложенныхъ ему постороннихъ дѣлъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя обращенія частныхъ лицъ въ его бюро будутъ дѣлаться съ цѣлью провѣрки, дѣйствительно ли онъ занимается общимъ розыскомъ въ коммерческихъ интересахъ.

„Главная же и въ сущности исключительная дѣятельность розыскного бюро Бинта будетъ состоять въ осуществленіи тѣхъ наблюденій, которыя будутъ мною ему указываться.

„Характеръ этихъ наблюденій не удивитъ агентовъ потому, что Бинтъ уже при соглашеніи съ ними объяснитъ, что, открывая свое бюро, онъ разсчитываетъ исполнять порученія Департамента Полиціи, надѣясь, что во вниманіе къ его 32-лѣтней службѣ и заслуженному имъ довѣрію, Департаментъ предпочтительно будетъ обращаться къ нему, чѣмъ къ кому бы то ни было другому.

„Если же впослѣдствіи даже было бы установлено, что бюро Бинта, главнымъ образомъ, наблюдаетъ за русскими эмигрантами, то никто не сможетъ ему въ этомъ воспрепятствовать, равно какъ и доказать, что наблюденіе это ведется по порученію Департамента Полиціи, такъ какъ никакихъ слѣдовъ сношеній съ Департаментомъ въ дѣлахъ бюро не будетъ.

„Въ случаѣ же какихъ-либо аггрессивныхъ дѣйствій со стороны контръ-революціонной полиціи, передъ которой нынѣ приказано отступать агентамъ заграничной агентуры изъ боязни инцидента, могущаго вызвать нежелательное осложненіе, то агенты розыскного бюро Бинта этой боязни имѣть уже не будутъ и смогутъ дать насильникамъ отпоръ, открыто заявляя о своей службѣ у частнаго лица и сами обвиняя ихъ въ самоуправствѣ *).

„Конечно допустимо, что впослѣдствіи и среди агентовъ

*) Контръ-революціонной полиціей называетъ Красильниковъ организованную Бурцевымъ и с.-рами революціонную контръ-развѣдку. *С. Св.*

Бинта тоже могутъ оказаться измѣнники, но измѣна ихъ не будетъ имѣть того значенія, и при невозможности воспользоваться ею для созданія политическаго инцидента, она не представитъ ни для кого интереса, кромѣ какъ развѣ для Бурцева.

„На что, главнымъ образомъ, слѣдуетъ въ данномъ случаѣ обратить вниманіе, это на то непріятное положеніе, которое создаетъ Французскому Правительству каждый инцидентъ, указывающій на существованіе во Франціи русской политической полиціи.

„При повтореніи такихъ инцидентовъ Французское Правительство можетъ, въ концѣ концовъ, дѣйствительно оказаться вынужденнымъ заявить о желательности прекращенія во Франціи всякой дѣятельности русской полиціи.

„Такого положенія необходимо избѣгнуть, а для этого нужно дать французскимъ властямъ возможность отрицать наличность во Франціи полиціи, находящейся на службѣ у Русскаго Правительства.

„Когда произошелъ инцидентъ Леоне съ Фонтана, (донесеніе за № 1005 с. г.), и я былъ вызванъ утромъ по телефону въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, новый Директоръ Сюрете Женераль г-нъ Пюжале, разспрашивая меня о подробностяхъ происшедшаго, просилъ сказать, что́ ему доложить Министру, который требуетъ по этому дѣлу экстренный докладъ, имѣя въ виду возможность интерпелляціи соціалистовъ въ Палатѣ. Передавъ суть дѣла, я предъявилъ Г-ну Пюжале выданную Леоне при увольненіи отъ службы собственноручную росписку, въ коей онъ признавалъ, что состоялъ на службѣ агентомъ у частнаго предпринимателя Биттарь-Монена, и при этомъ я сказалъ Г-ну Пюжале, что росписка эта, опровергая заявленіе Леоне, что онъ состоялъ агентомъ Русскаго Посольства въ Парижѣ. Правительство, въ случаѣ интерпелляціи можетъ утверждать, что все дѣло сводится къ личной ссорѣ двухъ агентовъ частнаго розыскного бюро.

Директору Сюрете Женераль*) очень понравилась эта

*) Во Франціи—директоръ Сюрете Женераль въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ является начальникомъ политической полиціи. *О. Св.*

мысль и онъ сказалъ, что именно въ этомъ смыслѣ онъ сдѣлаетъ докладъ Министру".

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ по этому поводу Директоръ Сюрете Женераль высказалъ, что вообще разъ вопросъ касается дѣятельности частнаго розыскного бюро, то Правительству никакихъ объясненій давать не приходится и достаточно ему объ этомъ заявить, чтобы инцидентъ оказался исчерпанъ.

„Съ другой стороны, когда появился въ газетѣ „Le Matin" разговоръ редактора этой газеты съ агентомъ Фонтана, заявившимъ, что онъ состоитъ на службѣ у частнаго лица г. Биттара-Монена и къ Русскому Посольству никакого отношенія не имѣетъ (донесеніе за № 1005 с. г.), то заявленіе это вызвало неудовольствіе Бурцева и депутатовъ Жореса и Дюма,*) усмотрѣвшихъ въ немъ „ловкій полицейскій маневръ", могущій помѣшать имъ использовать инцидентъ Леоне-Фонтана, какъ доказательство существованія во Франціи русской полиціи.

„Разъ же розыскное бюро будетъ учреждено съ выполненіемъ всѣхъ формальностей и требованій закона и все будетъ удостовѣряться зарегистрированными актами, то, если соціалисты и утверждали бы, что все это есть „только маневръ" и бюро Бинта субсидируется, даже содержится Русскимъ Департаментомъ Полиціи, утвержденія эти останутся чисто голословными, тогда какъ Французское Правительство сможетъ отвѣтить на нихъ доказательно, заявляя, что не имѣетъ возможности воспрепятствовать дѣйствію правильно организованнаго частнаго предпріятія, какъ и права доискиваться, кто именно является его кліентами"...

Какъ видно изъ предыдущаго Красильниковъ еще ранѣе 1913 г. (въ 1910) пытался придать Заграничной Агентурѣ „видимость" частнаго детективнаго бюро, подъ начальствомъ Битаръ-Монена, стараго агента охранной службы, который, главнымъ образомъ, охраняя высокихъ особъ и сановниковъ

*) Жоресъ—знаменитый соціалистъ. Депутатъ Шарль Дюма—гэдистъ—былъ во время войны начальникомъ кабинета у министра—соціалиста Жюля Гэда. Во время революціи 1917 г. дважды пріѣзжалъ въ Россію. *С. Св.*

при ихъ заграничныхъ поѣздкахъ. Но фикція удавалась очень плохо, потому, что агенты ходили съ докладами прямо на улицу Гренелль, 79, въ помѣщеніе посольства, точнѣе, консульства. Относительно конспиративной „корреспонденціи" должно сказать, что, если агенты и перестали посылать таковую на адресъ посольства, то „секретные сотрудники" (провокаторы и освѣдомители) продолжали посылать свои донесенія на улицу Гренелль до самой революціи 1917 г., правда, адресуя не въ Посольство, но на имя вымышленныхъ г. Сержа Сартель Эмиля, Лео и другихъ.

Въ 1913 году Красильниковъ насчитывалъ на службѣ „28 филеровъ французовъ и итальянцевъ". Изъ нихъ при реорганизаціи Красильниковъ предполагалъ удержать 14 человѣкъ. Въ составъ новаго Бюро Красильниковъ намѣчалъ слѣдующихъ лицъ (съ указаніемъ ихъ содержанія въ 1913 г.): *Бинтъ*, Генрихъ, директоръ новаго бюро—800 фр. въ мѣс.; *Самбэнъ*, Альбертъ, помощникъ директора—400 фр.; въ качествѣ агентовъ: французовъ—Генриха *Дюренъ*—300 фр., Поля *фонтенъ* (Гамаръ)—300 фр.; Жоржа *Казалосъ*—250; Жоржа *Римъ* (онъ-же Муссонэ)—250; Шарля *Деланглъ*—250; Жоржа *Готтлибъ*—250; Луи *фежеръ*—250; Бернара *Лоранъ*—250; Огюста *Пушо*—250; Франсуа *Ружо*—250; г-жу Берту *Друшо*—200; итальянца Евгенія *Инверниззи*—300. А всего на этихъ 14 чел. тратилось въ мѣсяцъ 4.300 фр. Нельзя не отмѣтить здѣсь имени Гамара или Амара, который былъ вскрытъ въ свое время, какъ провокаторъ, работавшій въ средѣ французскихъ анархистовъ, и Инверниззи, работавшаго по розыску въ Италіи, преимущественно, на Ривьерѣ. Перечисленные выше агенты и были приняты Бинтомъ на службу въ ново-организованное бюро.

Предположены были къ увольненію агенты—*французы* Морисъ Фохтъ (300 фр.); Бартесъ, Боніоль, Бертольдъ, Шарле, Дюссосуа, Годаръ, Фонтана, Генри, Левекъ, Ріо и Соваръ, получавшіе по 250 фр. и двѣ дамы: Ришаръ и Тіерселенъ (200 фр. каждая); *итальянцы*—Фрументо и Розелли (по 250 фр.); *бельгіецъ* Оттъ (150 фр.) и *австріецъ* Туннингеръ (265 фр.). Итого 18 чел. съ содержаніемъ въ 4365 фр. въ мѣсяцъ

Кое-кто изъ нихъ все же удержался на службѣ (Дюссоссуа и Левекъ—у Бинта, а Фрументо и Розелли—у самого Красильникова).

„Въ качествѣ директора-владѣльца розыскного бюро я полагалъ бы болѣе подходящимъ избрать Генриха Бинта—писалъ далѣе Красильниковъ,—вмѣсто нынѣшняго Завѣдующаго наружнымъ наблюденіемъ Биттара-Монена, имя котораго пріобрѣло за послѣднее время слишкомъ большую извѣстность вслѣдствіе упорной противъ него кампаніи Бурцева.

„32-лѣтняя служба Бинта въ Заграничной Агентурѣ съ самаго начала ея организаціи даетъ основаніе отнестись съ довѣріемъ какъ къ личной его честности и порядочности, такъ и къ его розыскному опыту, созданному многолѣтней практикой не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ Европы, Германіи, Италіи и Австріи.

„Кромѣ того и по натурѣ своей нѣсколько тщеславной, Бинтъ наиболѣе подходитъ къ предстоящей ему роли.

Имѣя въ виду всякія въ будущемъ случайности, я полагалъ бы необходимымъ пріобщить къ Бинту помощника, который являлся бы въ общемъ ихъ предпріятіи равноправнымъ съ нимъ компаніономъ, причемъ между ними заключенъ бы былъ формальный компанейскій договоръ, устанавливающій, что учреждая совмѣстно частное розыскное бюро, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, весь активъ ихъ общаго предпріятія, какъ-то обстановка бюро и деньги, могущія оказаться въ кассѣ на лицо, переходятъ въ собственность другого.

„Контрактъ о наймѣ квартиры подъ бюро долженъ быть заключенъ на имя обоихъ компаніоновъ.

„Въ качествѣ компаніона Бинта я полагалъ бы избрать старшаго послѣ него по времени службы агента Альберта Самбена, на порядочность, скромность и честность котораго тоже вполнѣ можно положиться.

„Самбенъ, какъ и Бинтъ, былъ бы посвященъ во всю суть дѣла и находился бы въ сношеніяхъ со мною, тогда какъ всѣ остальные служащіе бюро не должны будутъ знать объ этихъ сношеніяхъ.

„Одинъ изъ компаніоновъ обязательно долженъ жить въ помѣщеніи бюро“...

Что касается агентовъ, то изъ 30 чел. Красильниковъ предполагалъ уволить 16 человѣкъ. Онъ думалъ, что „такое сокращеніе состава наблюденія хотя бы на первое время является необходимымъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы отбросить весь мало-мальски ненадежный элементъ, а также чтобы придать болѣе вѣроятности факту учрежденія розыскного бюро частнымъ человѣкомъ, который, конечно, не могъ бы сразу брать себѣ значительное число служащихъ.

По мѣрѣ надобности и нахожденія соотвѣтственныхъ людей составъ этотъ можетъ быть впослѣдствіи увеличенъ.

„Кромѣ того, я имѣю въ виду,—заявлялъ Красильниковъ,—использовать еще и нижеслѣдующее обстоятельство.

„Въ настоящее время, вслѣдствіе реорганизаціи Парижской Полицейской Префектуры, новымъ Префектомъ Полиціи Генніономъ, многіе изъ чиновъ Префектуры, выслужившіе уже право на пенсію и недовольные новыми порядками, выходятъ теперь въ отставку.

„Большинство изъ нихъ, не намѣреваясь поступать на постоянную частную службу, не прочь тѣмъ не менѣе при случаѣ увеличивать свои средства дополнительными заработками, и я имѣю въ виду, что, по мѣрѣ надобности, розыскное бюро будетъ использовать ихъ для веденія временныхъ наблюденій или исполненія другихъ порученій“...

Жалованье Красильниковъ намѣчалъ филерамъ въ прежнемъ размѣрѣ, суточныя-же по 15 франковъ въ день, и по 10 фр. при длительномъ пребываніи въ одномъ пунктѣ. Бывшимъ чинамъ Префектуры—въ Парижѣ суточныхъ по 10 фр., при командировкахъ по Франціи и заграницей 20—25 фр. въ день.

Красильниковъ предвидѣлъ и возможныя при ликвидаціи старой агентуры непріятности.

„При разсчетѣ съ агентами съ каждаго изъ нихъ будетъ взята подписка въ томъ, что, состоя на службѣ у г. Биттара-Монена, содержателя частнаго розыскного бюро, нынѣ лик-

видировавшаго свое дѣло, онъ отъ него весь разсчетъ и полное удовлетвореніе получилъ.

„Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что нѣкоторые изъ уволенныхъ агентовъ по полученіи всего, что имъ слѣдуетъ, обратятся потомъ къ Бурцеву, но это будутъ тѣ, которые рано или поздно все равно нашли бы къ нему дорогу, а въ данномъ случаѣ сообщенія ихъ въ общемъ мало интересны, будутъ относиться уже къ „прошлому", такъ какъ волею-неволею имъ придется сообщить о происшедшей окончательно ликвидаціи"...

Красильниковъ полагалъ, что нужно организовать „наблюденіе" на новыхъ началахъ и въ Италіи, чему доказательствомъ служилъ инцидентъ Леоне. Докладъ по этому поводу онъ обѣщалъ представить послѣ поѣздки въ Римъ, „гдѣ вопросъ этотъ придется предварительно обсудить съ мѣстными властями". Заканчивалъ Красильниковъ замѣчаніями о наблюденіи въ Англіи и Германіи.

„Наблюденіе въ Англіи, функціонируя правильно безъ всякихъ инцидентовъ и осложненій, я полагалъ бы никакихъ измѣненій въ организацію онаго не вводить.

„Завѣдующій наблюденіемъ Поуелль ведетъ дѣла умѣло, агенты англичане по природѣ своей отличаются порядочностью и заслуживаютъ довѣрія.

„Что же касается Германіи, то тамъ, а именно въ Берлинѣ, имѣются только двое старослужащихъ агентовъ, Нейхаузъ и Вольтцъ, хорошо извѣстныхъ и мѣстнымъ властямъ, какъ состоящіе на службѣ въ русской полиціи, и такъ какъ ихъ только двое, то не представляется надобности вносить какія-либо измѣненія въ ихъ служебное положеніе"...

„Что-же касается до завѣдующаго въ настоящее время наружнымъ наблюденіемъ Биттаръ-Монена, функціи котораго при новой организаціи этого наблюденія перейдутъ фактически къ Бинту, то обязанности его будутъ заключаться въ исполненіи разнаго рода отдѣльныхъ порученій, а также въ сношеніи съ чинами французской полиціи по текущимъ дѣламъ.

„Находясь въ личныхъ сношеніяхъ съ Префектомъ полиціи, Директоромъ Сюрете Женераль и, вообще, съ высшими

чиновниками полицейскихъ учрежденій, я,—полагалъ Красильниковъ,—не могу по своему положенію сноситься съ маленькими полицейскими чинами, не могу дружить съ инспекторами и бригадирами, а между тѣмъ черезъ нихъ можетъ получаться и получается цѣлый рядъ нужныхъ справокъ, по которымъ, въ виду ихъ малозначительности, не стоитъ безпокоить начальствующихъ лицъ.

„Вотъ эти-то сношенія съ низшими чинами полиціи и будутъ вестись Биттаръ-Моненомъ, имѣющимъ среди нихъ много знакомыхъ и пріятелей.

„Въ настоящее-же время, при введенной новымъ Префектомъ полиціи (въ Парижѣ) децентрализаціи, полученіе постоянно необходимыхъ справокъ сдѣлается болѣе сложнымъ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія, которыя раньше централизировались въ Префектурѣ, нынѣ будутъ сосредоточиваться по отдѣльнымъ округамъ.

„Кромѣ вышеуказанныхъ обязанностей на Биттаръ-Монена будутъ мною возложены сношенія съ заграничными корреспондентами“...

Представляя Бѣлецкому свой планъ, Красильниковъ выражалъ пожеланіе „переорганизацію эту завершить до открытія осенней сессіи Французской палаты депутатовъ, т. е. къ 1 ноября н. ст.“ (1913 г.).

На подлинномъ директоръ Департамента Полиціи Бѣлецкій сдѣлалъ резолюцію: „Доложено г. Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ 31 августа, который въ принципѣ относится благожелательно къ этой реорганизаціи. Предлагаю Департаменту послѣ подробнаго ознакомленія, какъ по существу, такъ и съ финансовой стороны, дать соотвѣтствующія директивы Красильникову для осуществленія настоящаго его предположенія, отвѣчающаго моимъ заданіямъ, кои я ему высказалъ въ послѣдній его пріѣздъ въ Петербургъ. Желательно хоть отчасти положить предѣлъ подобнаго рода выступленіямъ, какъ Леоне и др. и по возможности легализировать наблюдательный корпусъ заграницей“.

V. Задачи сыска и провокаціи въ примѣненіи къ Заграничной Агентурѣ. Охранная философія Бѣлецкаго.

Въ развитіе этихъ мыслей Бѣлецкій представилъ 27 сентября 1913 г. товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Джунковскому докладъ (№ 1121806). Излагая вкратцѣ основанія доклада отъ 31 августа, Бѣлецкій указывалъ, что прежнее нелегальное существованіе бюро, разоблаченія агентовъ и Бурцева, запросы въ палатѣ депутатовъ „создаютъ не только чрезвычайно трудное положеніе для осуществленія возложенной на названное бюро розыскной дѣятельности, но могутъ вынудить французское правительство къ заявленію о желательности прекращенія во Франціи всякой дѣятельности Русской полиціи. Въ настоящее время разрѣшеніе означеннаго вопроса требуетъ срочности, такъ какъ, по свѣдѣніямъ французскихъ властей, 15 ноября по возобновленіи сессіи Палаты депутатъ г. Парижа соціалистъ Колли предполагаетъ выступить съ запросомъ о продолженіи существованія во Франціи Русской политической полиціи".

Бѣлецкій вновь излагалъ планъ Красильникова, одобренный и французскими властями, и департаментомъ. „Посредникомъ между завѣдующими секретной агентурой и наружнымъ наблюденіемъ явится колл. сов. Красильниковъ". Бѣлецкій докладывалъ о пожеланіяхъ, которыя необходимо при этой реорганизаціи провести въ интересахъ самого розыска.

„Наружное наблюденіе,—писалъ Бѣлецкій,—представляется средствомъ большею частью вспомогательнымъ, а потому, при отсутствіи попутнаго освѣщенія со стороны секретной агентуры, оно лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ дать самостоятельный матеріалъ для выясненія сношеній, какъ отдѣльныхъ партійныхъ лицъ, такъ и сообществъ. Поэтому, наибольшую выгоду изъ наружнаго наблюденія можно получить только при строгомъ сообразованіи его съ указаніями внутренней агентуры на значеніе наблюдаемыхъ лицъ и намѣченныхъ филерами, по результатамъ наблюденія, событій. Въ противномъ-же случаѣ наружное наблюденіе, будучи весьма

растяжимо, можетъ давать весьма обширный, непонятный матеріалъ, крайне затрудняющій его разработку.

„При нормальныхъ условіяхъ функціонированія розыскного органа, руководство веденіемъ секретныхъ сотрудниковъ и цѣлесообразнымъ направленіемъ наружнаго наблюденія объединяется въ одномъ лицѣ.

„Въ большихъ розыскныхъ учрежденіяхъ секретные сотрудники распредѣляются для сношеній между нѣсколькими служащими, причемъ каждый изъ нихъ почти всегда лично принимаетъ доклады филеровъ, наблюдавшихъ по его заданіямъ, и, въ цѣляхъ сбереженія секретныхъ сотрудниковъ, постоянно даетъ имъ нужныя указанія. Личнымъ составомъ филеровъ розыскного органа вѣдаетъ завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ, котораго, какъ лицо, распредѣляющее заданія между филерами, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, хотя и въ сжатомъ видѣ, но неизбѣжно приходится ознакомлять съ существомъ агентурныхъ данныхъ для болѣе соотвѣтственнаго выбора филеровъ-исполнителей по каждому изъ заданій, въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго выполненія таковыхъ безъ ущерба для секретныхъ сотрудниковъ. Провалы послѣднихъ, какъ показалъ опытъ, весьма часто происходили вслѣдствіе недостаточно правильной постановки дѣла наружнаго наблюденія, когда послѣднее осуществлялось безъ предварительной оцѣнки каждаго отдѣльнаго случая, безъ сопоставленія съ агентурными указаніями и съ занимаемымъ сотрудниками положеніемъ въ революціонной средѣ и когда работа филеровъ на мѣстахъ не подвергалась учету и соотвѣтственному постоянному руководству.

„Такимъ образомъ, для цѣлесообразной и успѣшной разработки секретныхъ свѣдѣній, поступающихъ отъ сотрудниковъ, при соблюденіи главнаго условія сбереженія послѣднихъ отъ провала, является необходимымъ постоянное соприкосновеніе съ наружнымъ наблюденіемъ лица, завѣдующаго сотрудниками, какъ для непосредственнаго пріема докладовъ по наблюденію, которые представляютъ цѣнность лишь въ связи, вообще, съ имѣющимися агентурными данными, такъ и для со-

общенія наблюденію неообходимыхъ для успѣшной ихъ дальнѣйшей работы соотвѣтственныхъ руководящихъ указаній.

„Необходима также фактическая провѣрка ихъ работы на мѣстахъ, во время самаго исполненія ими наблюдательной службы, такъ какъ безконтрольное наблюденіе въ большинствѣ случаевъ становится безрезультатнымъ.

„Только при изложенныхъ условіяхъ наружное наблюденіе можетъ быть цѣлесообразно использовано и лишь тогда оно можетъ быть разсматриваемо, какъ цѣнное и необходимое для розыскного органа вспомогательное средство"...

Затѣмъ Бѣлецкій оцѣнивалъ положеніе Заграничной Агентуры. „Наше Парижское бюро,—писалъ онъ,—вслѣдствіе особыхъ условій дѣятельности его и, главнымъ образомъ, въ виду личнаго состава филеровъ, подобраннаго исключительно изъ иностранцевъ, по необходимости, въ цѣляхъ сбереженія секретныхъ сотрудниковъ, было вынуждено совершенно отдѣлить лицо, завѣдующее секретными сотрудниками отъ агентовъ наружнаго наблюденія. Лицомъ, объединяющимъ заграничную розыскную работу, является завѣдующій названнымъ бюро, который сотрудниками не вѣдаетъ, а ему дѣлаются подробные доклады о всѣхъ поступающихъ агентурныхъ данныхъ, сообразно съ которыми онъ даетъ порученія завѣдующему наружнымъ наблюденіемъ. Но, принимая во вниманіе, что завѣдующій наружной агентурой обремененъ различнаго рода офиціальными сношеніями и имѣя въ виду у него наличіе другой работы, слѣдуетъ полагать, что онъ не въ состояніи быть всегда въ курсѣ всѣхъ мелкихъ особенностей агентурныхъ свѣдѣній и разнообразныхъ положеній сотрудниковъ, вслѣдствіе чего, при передачѣ завѣдующему наружнымъ наблюденіемъ для распредѣленія таковыхъ къ исполненію между филерами, имъ легко могутъ быть упущены изъ виду необходимыя указанія агентуры. Въ свою очередь, завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ, почти безконтрольно производящій назначенія филеровъ, также упускаетъ нѣкоторыя изъ данныхъ ему указаній, отъ общей совокупности которыхъ чаще всего и зависитъ степень успѣшности наблюдательной службы.

„При описанныхъ условіяхъ и чрезмѣрно развившемся наружномъ наблюденіи послѣднее мало по малу утрачивало свое вспомогательное предназначеніе по разработкѣ агентурныхъ свѣдѣній заграницей и, наконецъ, обратилось какъ бы въ самостоятельно дѣйствующій отъ секретной агентуры отрядъ, занимающійся зачастую хроническимъ наблюденіемъ за однимъ и тѣмъ же лицомъ, безъ соблюденія самой элементарной конспираціи, и потому вскорѣ наблюденіе проваливалось, въ результатѣ-же наблюдаемое лицо проникало въ Россію безъ наблюденія"...

Поэтому Бѣлецкій полагалъ, что новая организація розыска можетъ, при отсутствіи учета и контроля наблюдательной дѣятельности, весьма неблагопріятно отразиться на результатахъ этого наблюденія.

„Что-же касается случаевъ измѣнъ, шантажа и иныхъ недобросовѣстныхъ поступковъ со стороны филеровъ,—продолжалъ Бѣлецкій,— то не усматривается особыхъ гарантій противъ возможности повторенія этихъ дѣйствій и при образованіи самостоятельнаго частнаго бюро. Характеръ наблюденій за русскими революціонерами самъ по себѣ дастъ возможность филерамъ скоро понять, что они несутъ спеціальную службу, и слѣдуетъ полагать, что, въ случаѣ возникновенія какого-либо неудовольствія, филеры-измѣнники и считающіе себя чѣмъ либо обиженными, и въ особенности уволенные за недобросовѣстную службу, будутъ предпринимать шаги, подобные многимъ ихъ предшественникамъ, называя себя служащими русскаго посольства и давая подробныя объясненія о новыхъ условіяхъ найма и организаціи бюро. Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно ожидать пониженія въ качественномъ отношеніи свѣдѣній, поступающихъ отъ секретныхъ сотрудниковъ, такъ какъ каждый изъ нихъ, узнавъ что доставляемый имъ матеріалъ разрабатывается наружнымъ наблюденіемъ, учтетъ опасность для себя этой разработки при посредствѣ частнаго бюро, незаинтересованнаго сохраненіемъ сотрудниковъ. Затѣмъ со стороны уволенныхъ филеровъ слѣдуетъ ожидать различнаго рода выступленій включительно до выслѣживанія филеровъ новаго бюро, въ цѣляхъ провала наблюденія, а также и про-

слѣдовъ (sic!) и за старшими чинами заграничнаго бюро, въ цѣляхъ выясненія секретныхъ сотрудниковъ"...

Затѣмъ Бѣлецкій высказывалъ рядъ пожеланій относительно розыскного бюро Бинта, обезпеченія того, чтобы Бинтъ не занялся частными дѣлами въ ущербъ охраннымъ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ,—замѣчалъ онъ,—нельзя не остановиться и на томъ, что какъ Бинтъ, такъ и Биттаръ-Моненъ и другіе, входящіе въ отрядъ наружнаго наблюденія, все это лица, насколько извѣстно Департаменту, до сихъ поръ вѣрно служившія интересамъ русскаго политическаго розыска, но настолько-же извѣстныя эмигрантскимъ кружкамъ и соціалистамъ-депутатамъ, что истинная цѣль новаго бюро для послѣднихъ не станетъ тайной и скоро расшифруется. Въ виду этого лучше было бы во главѣ этого бюро поставить кого либо изъ другихъ служащихъ, фамилія коего не примелькалась и не упоминается въ № 45 газеты „Будущее"...*).

Второе пожеланіе касалось храненія всѣхъ документовъ, не исключая филерскихъ дневниковъ въ канцеляріи Красильникова. Третье пожеланіе говорило о необходимости спеціальнаго русскаго контроля въ лицѣ русскаго охранника, знающаго русскую дѣйствительность. Въ виду срочности Бѣлецкій рекомендовалъ на эту роль „находящагося въ распоряженіи подп. Эргардта Литвина, который знаетъ дѣло розыска въ Имперіи и находясь болѣе года заграницей достаточно изучилъ эмигрантскую заграничную среду русскихъ революціонныхъ кружковъ"...

Въ четвертыхъ,—писалъ Бѣлецкій, — необходимо „связать наружное наблюденіе съ вѣдающимъ секретной агентурой для полученія ближайшихъ указаній и болѣе детальнаго ознакомленія съ результатами наблюденія, принявъ мѣры къ сохраненію отъ провала лица, вѣдающаго секретной агентурой.

„5) Посвящать лицо, вѣдающее секретной агентурой, въ содержаніе поступающихъ совершенно секретныхъ свѣдѣній, а также въ секретныя свѣдѣнія, касающіяся заграницы и получаемыя изъ Департамента Полиціи.

*) „Будущее"—газета, издававшаяся В. Л. Бурцевымъ. *С. Св.*

„6) Въ виду возможности повторныхъ случаевъ измѣны со стороны филеровъ иностранцевъ, не возлагать на нихъ другихъ исполненій, кромѣ какъ по наружному наблюденію, отнюдь не ознакомляя ихъ съ агентурными и совершенно секретными свѣдѣніями.

„7) Съ цѣлью избѣжанія отлучекъ изъ Парижа филеровъ при продолжительныхъ командировкахъ ихъ для сопровожденія въ пути при выѣздахъ изъ Парижа наблюдаемыхъ, каковыя командировки, несомнѣнно, отражаются неблагопріятно на исполненіи филерами обязаностей, при напряженной и непрестанной работѣ ихъ по наблюденію въ пути, а также съ цѣлью сокращенія расходовъ по этимъ командировкамъ желательно имѣть постоянно въ мѣстахъ скрещенія желѣзныхъ дорогъ, чаще всего проѣзжаемыхъ при выѣздахъ изъ Парижа въ Россію или другія сосѣднія государства, постъ филеровъ для принятія въ пути къ дальнѣйшему наблюденію наблюдаемаго лица.

„8) Отдѣлить наблюдательную службу отъ установочной, дабы въ послѣдней не принимали участіе филеры, ходящіе въ наблюденіе.

„9) Имѣть хотя бы половину личнаго состава филеровъ изъ опытныхъ русскихъ филеровъ, ознакомленныхъ практически съ новыми пріемами наблюденія, каковые филеры могли бы сопровождать наблюдаемое лицо при переѣздѣ нашей границы до передачи его мѣстнымъ русскимъ филерамъ и выполнить функціи непрерывнаго наблюденія за тѣми или другими лицами, представляющими въ данную минуту интересъ для розыскного заграничнаго органа. При этомъ для сохраненія отъ провала заграничныхъ филеровъ, личный составъ русскихъ филеровъ заграницей долженъ отъ поры до времени обновляться другими командированными изъ Россіи филерами“...

Какъ мы видимъ, охранные планы Бѣлецкаго были очень широки. Изъ послѣдующаго читатель увидитъ, что предъ духовнымъ взоромъ Бѣлецкаго носился планъ чуть-ли не шпіонской заграничной академіи для россійскихъ филеровъ.

„Этимъ путемъ,—пояснялъ онъ,—достигаются двѣ цѣли: нѣтъ постоянной слѣжки, осуществляемой одними и тѣми же

лицами, настолько примелькавшимися эмигрантскимъ русскимъ колоніямъ, что теперешній отрядъ филеровъ почти весь извѣстенъ эмигрантамъ и не только въ лицо, но даже по фамиліямъ и по мѣсту жительства. При предлагаемой организаціи и той смѣнѣ, которая будетъ происходить, эта опасность исчезаетъ и даетъ русскимъ филерамъ возможность хорошо изучить преступную среду не только въ формѣ словеснаго портрета, но знать всѣ обстановки жизни русскихъ эмигрантовъ, среду ихъ знакомствъ и вліяній. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжительная командировка подымаетъ уровень нашихъ филеровъ съ точки зрѣнія ихъ развитія и создастъ изъ нихъ въ будущемъ прочный кадръ, столь необходимый для нашей розыскной работы. Въ интересахъ дѣла русскій составъ филеровъ еще тѣмъ лучше, что онъ будетъ болѣе выносливъ въ дѣлѣ слѣжки, чѣмъ привыкшій къ извѣстной изнѣженности составъ французскихъ филеровъ. Практически это обойдется въ то же, что нынѣ тратится на посылку заграницу (но для кратковременнаго тамъ пребыванія) лучшихъ людей изъ наблюдательнаго корпуса филеровъ и лицъ изъ Дворцовой агентуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе филеры формально могутъ быть приняты всѣ на службу частнаго бюро, ибо до той поры, пока они не совершатъ уголовно наказуемаго дѣянія, завѣдующій частнымъ бюро детективовъ воленъ брать на службу всѣхъ, кто ему нуженъ, хотя бы и иностранцевъ. При этомъ, въ новой постановкѣ дѣла необходимо особо обратить вниманіе на замѣчаемую нынѣ, какъ заграницей, такъ и въ Россіи, слабую сторону—отсутствіе запасовъ должной костюмировки и умѣнія владѣть искусствомъ грима"...

Всѣ эти замѣчанія объ „изнѣженности" французскихъ шпіоновъ и о плохомъ владѣніи «искусствомъ грима» чрезвычайно любопытны. 10—12-е положенія Бѣлецкаго касались отчетности и ея формъ, причемъ онъ отмѣчалъ, что «расходъ по содержанію заграничной агентуры въ 1912 г. въ сравненіи съ смѣтнымъ ассигнованіемъ 1909 г. удвоился»...

Въ 13 пунктѣ Бѣлецкій писалъ: «Объединеніе и руководство секретной агентурой и наружнымъ наблюденіемъ сосредоточить въ одномъ лицѣ, ознакомленномъ практически съ

розыскомъ и мѣстными условіями, оставивъ за колл. сов. Красильниковымъ представительство и связавъ его съ этимъ лицомъ путемъ постояннаго взаимоотношенія. Изъ числа же филеровъ въ распоряженіе А. А. Красильникова передать не болѣе 5 чел. кои могутъ быть использованы имъ съ точки зрѣнія охраны высокопоставленныхъ лицъ, пребывающихъ или же пріѣзжающихъ заграницу. Этимъ путемъ будетъ достаточно законспирированъ тотъ остающійся кадръ филеровъ, который предназначенъ исключительно для секретнаго наблюденія, ибо охрана Высокопоставленныхъ лицъ, по существу своему, не можетъ скрыть назначенныхъ въ охрану филеровъ и потому послѣдніе обнаруживаются».

Въ 14-хъ, Бѣлецкій предлагалъ «легализировать положеніе въ Парижѣ колл. сов. Красильникова, путемъ назначенія его агентомъ при нашемъ Посольствѣ, въ качествѣ представителя отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, командированнаго за границу для изученія вопросовъ по розыску и выдачѣ уголовныхъ преступниковъ, эмиграціи и антропометріи, возложивъ на него фактически исполненіе обязанностей посредника между французскими властями и дѣятельностью нашего розыскного бюро, по возникающимъ вопросамъ и недоразумѣніямъ».

Такимъ образомъ, мы, видимъ, что Бѣлецкій стремился свести роль Красильникова къ представительству, охранѣ особъ и сношеніямъ съ иностранными властями. Главную же роль по секретной агентурѣ и наружному наблюденію хотѣлъ соединить въ лицѣ жандармскаго подполк. Эргардта.

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Джунковскій 4-го октября 1913 г. утвердилъ преобразованіе заграничнаго секретнаго бюро на новыхъ началахъ согласно представленія Красильникова. Послѣдняго предписано было „именовать впредь не завѣдующимъ заграничной агентурой, а командированнымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ заграницу для сношеній съ мѣстными властями и Россійскими Посольствами и Консульствами“. Въ такомъ санѣ застигла Красильникова и Великая Революція.

VI. Организація и личный составъ Заграничной Агентуры въ 1917 г. Списки охранниковъ и провокаторовъ, работавшихъ заграницей въ 1917 г.

Въ моментъ ликвидаціи въ 1917 г. дѣло русскаго политическаго розыска заграницею представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

„1) Въ Парижѣ организовано на средства Департамента, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій французскаго закона, частное розыскное бюро „Бинтъ и Самбэнъ", которое, подобно другимъ существующимъ частнымъ предпріятіямъ, занимается розыскною дѣятельностью вполнѣ легально.

„2) Дѣятельность этого частнаго бюро подчиняется д. с. с. Красильникову, являющемуся въ дѣйствительности завѣдывающимъ всѣмъ секретнымъ политическимъ розыскомъ заграницей, организованнымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

„3) Въ качествѣ директора-владѣльца частнаго розыскного бюро назначенъ Генрихъ Бинтъ, а въ качествѣ его помощника Альбертъ Самбенъ, бывшіе агенты наружнаго наблюденія.

„4) Въ личный составъ служащихъ частнаго розыскного бюро, за увольненіемъ всего прежняго состава наружнаго наблюденія, включено 18 изъ уволенныхъ агентовъ, считая въ томъ числѣ Бинта и Самбена.

„5) Изъ личнаго состава служащихъ въ частномъ бюро въ сношеніяхъ съ д. с. с. Красильниковымъ находятся только Бинтъ и Самбенъ, остальные служащіе не должны знать о существованіи этихъ сношеній.

„6) Завѣдывающій Заграничной Агентурой именуется въ перепискахъ „Командированнымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ заграницу для сношенія съ мѣстными властями и Россійскими Посольствами и Консульствами", причемъ положеніе его въ Парижѣ легализовано, какъ представителя отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

„7) Въ непосредственномъ распоряженіи Завѣдывающаго

Заграничной Агентурой находятся агенты для охраны пребывающихъ заграницей высокопоставленныхъ особъ.

„8) Сношенія съ секретной агентурой и руководство послѣдней производится при посредствѣ командированныхъ въ распоряженіе Завѣдывающаго Заграничной Агентурой лицъ.

„9) Для исполненія разнаго рода отдѣльныхъ порученій по сношеніямъ съ чинами французской полиціи по текущимъ дѣламъ назначенъ бывшій завѣдывающій наружнымъ наблюденіемъ Биттаръ-Моненъ".

Въ такомъ видѣ организація просуществовала съ осени 1913 по мартъ 1917 года. Что касается личнаго состава парижскаго центра, то онъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ: Завѣдывающимъ Заграничной Агентурой былъ Александръ Александровичъ Красильниковъ, въ 1917 году дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій гвардейскій офицеръ, разорившійся и поступившій на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій V кл. при Министрѣ. Въ черномъ сюртукѣ, съ ленточкой Почетнаго Легіона, средняго роста, бритый, съ сѣдоватыми усами, онъ былъ весьма представителенъ. Что касается его охранныхъ талантовъ, то Особый Отдѣлъ Департамента Полиціи больше полагался на его помощниковъ, которые сносились съ провокаторами и освѣдомителями. Однако-же, Красильниковъ былъ фактическимъ центромъ Заграничной Охраны.

Помощники его, входившіе въ сношенія только съ секретными сотрудниками были жандармскіе офицеры, командированные въ распоряженіе Департамента Полиціи: подполковникъ Люстихъ, ротмистръ Лиховскій, ротм. Левизъ-офъ-Менаръ, и чиновникъ Департамента Полиціи губ. секр. Литвинъ.

Канцелярія Красильникова („бюро") помѣщалось въ зданіи посольства, на улицѣ Гренелль, 79, въ флигелѣ, занимаемомъ консульствомъ, и занимала 2 комнаты I-го этажа совершенно изолированныя отъ другихъ помѣщеній. Въ первой изъ нихъ были архивъ и канцелярія, во второй—кабинетъ Красильникова. Въ канцеляріи состояли чиновники для письма:—тит. сов. И. С. Мельниковъ, губ. секр. Бобровъ, губ. секр.

Волховскій и Чашниковъ. Кромѣ того, для переписки французскихъ бумагъ работалъ дактилографъ, французъ Броннеръ.

Детективное бюро „Бинта и Самбена“ помѣщалось на улицѣ Провансъ, 51. Въ моментъ революціи были на лицо агенты: Дюренъ, Дюссосуа, Ружо и продолжали числиться призванные на военную службу: Казаюсъ, Делангль, Готтлибъ, Лоранъ, Римъ и Пушо. Итого съ „шефами“ двѣнадцать человѣкъ. Кромѣ того у Бинта были такъ называемые „корреспонденты“ по шпіонской части: Делафонтенъ (въ Женевѣ), Жатонъ (въ Лозаннѣ), Гутъ (въ Цюрихѣ), Мейеръ (въ Бернѣ), Вуазенъ (въ Парижѣ). Сверхъ того, вспомогательнымъ агентомъ во Франціи былъ Коро.

Кромѣ того, въ распоряженіи Красильникова состояли два агента охранной службы (для связи съ французской полиціей и для охраны высокихъ особъ)—Биттаръ-Моненъ и Гамаръ (онъ-же Фонтенъ).

Помимо Франціи, Красильниковъ имѣлъ наружныхъ агентовъ въ Англіи, Скандинавіи, Швейцаріи и Италіи, а до войны—въ Германіи и Австріи. Въ Италіи въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Красильниковымъ былъ нѣкій Инверниззи, проживавшій въ Генуѣ, потому что надзоръ касался, главнымъ образомъ, эмигрантовъ на итальянской Ривьерѣ. Одинъ агентъ жилъ въ Неаполѣ, для надзора за колоніей на о. Капри, другой въ Римѣ; два на Ривьерѣ (т. е. въ Генуѣ) и слѣдили за Нерви, Кави-ди-Лаванья и побережьемъ въ сторону Франціи. Имена агентовъ были: Розелли, де-Каролли, Фрументо и Визарделли.

Въ Англіи работалъ агентъ Красильникова англичанинъ Поуэлль съ подчиненными Аеберсольдомъ, Керомъ и Томсономъ. Во время войны одинъ изъ агентовъ жилъ въ Нью-Кастлѣ и слѣдилъ за ѣдущими въ Россію черезъ Бергенъ.

Швейцарія обслуживалась „корреспондентами“ Бинта и командированными изъ Парижа агентами бюро.

Скандинавская агентура была создана по мысли Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова лишь въ декабрѣ 1916 года и не успѣла получить надлежащаго развитія. Изъ наружныхъ агентовъ тамъ работалъ датчанинъ Петцъ, (онъ-же

Польсенъ, онъ-же Іенсенъ). Кромѣ того, тамъ же работали наѣздомъ Самбенъ и другіе агенты Бинта.

Существовала, но была во время войны упразднена агентура въ Сѣверной Америкѣ, такъ называемая „канадская".

Въ Германіи агентами Красильникова были 2 старые филера Вольцъ и Нейхаузъ. По поводу этихъ агентовъ небезинтересное письмо написалъ Красильниковъ въ концѣ марта 1913 г. директору департамента полиціи.—„При свиданіи съ мѣстными властями (въ Берлинѣ),—писалъ Красильниковъ,—Директоръ Отдѣла Политической Полиціи Оберъ Регирунгсратъ Береке обратился ко мнѣ съ „очень конфиденціальнымъ", какъ онъ выразился, вопросомъ:—„не занимаются-ли мои агенты военнымъ дѣломъ?" Между мною и об.-рег. Береке давно уже существуютъ самыя хорошія отношенія и, видимо стѣсняясь заговорить со мною по этому поводу, онъ подошелъ къ нему не сразу и облекъ его въ самую дружественную форму. Я отвѣчалъ г. Береке, что ему хорошо извѣстно, что въ предѣлахъ Германіи я никогда ничего не предпринимаю, не заручившись предварительно содѣйствіемъ мѣстныхъ властей и такъ какъ содѣйствіе это мнѣ во всѣхъ случаяхъ въ полной мѣрѣ оказывалось и оказывается, то мнѣ даже не было бы смысла что либо въ тайнѣ предпринимать. Исключительно-же вѣдая только политическимъ розыскомъ, почему все относящееся до военнаго дѣла безусловно меня не касается и не входитъ въ сферу моей дѣятельности, я не только этой чуждой для меня областью совершенно не интересуюсь, но даже чрезвычайно ея боюсь и, съ особой осторожностью, вхожу всегда въ сношенія съ новыми лицами изъ опасенія неожиданно связаться съ людьми, имѣющими какое-либо отношеніе къ военной развѣдкѣ. Соотвѣтственно этому даются мною распоряженія и моимъ агентамъ". Затѣмъ Красильниковъ представилъ Береке подписки Карла Вольца и Гейнриха Нейхауза въ томъ, что они не имѣютъ и обязуются не имѣть никакого отношенія къ лицамъ, занимающимся шпіонажемъ. Объясненія Красильникова и подписка его агентовъ удовлетворили Береке. Однако самъ Красильниковъ въ томъ-же донесеніи признается, что за нимъ былъ устроенъ нѣмцами шпіонажъ. Въ концѣ кон-

цовъ, и Береке, и начальникъ исполнительнаго отдѣла политической полиціи д-ръ Хеннингеръ убѣдились, что Красильниковъ никогда не интересовался ничѣмъ, касающимся военнаго дѣла. Ихъ безпокойство Красильниковъ объяснялъ „до болѣзненности нервнымъ отношеніемъ Германіи къ вопросу военной развѣдки (въ особенности въ настоящій политическій моментъ"—весна 1913 г.); кромѣ того онъ «въ общемъ вынесъ впечатлѣніе, что Германское правительство, вѣроятно, имѣло указанія на полученіе изъ Россіи какихъ-то, быть можетъ, важныхъ свѣдѣній, касающихся военныхъ вопросовъ въ Германіи, но пока не знаетъ, кѣмъ именно, изъ какого источника свѣдѣнія эти даны, почему, въ цѣляхъ обнаруженія послѣдняго и провѣряетъ всѣ допустимыя предположенія".

Часть агентовъ Красильникова была разоблачена Бурцевымъ (Бинтъ, Биттаръ--Моненъ, Самбенъ и др.), но большинство вскрыто лишь революціей 1917 года.

Что касается секретныхъ сотрудниковъ, то въ 1916 году ихъ числилось 25 человѣкъ. Вотъ ихъ краткій списокъ, расшифрованный слѣдствіемъ, которое было произведено въ Петроградѣ, Скандинавіи, Англіи, Парижѣ, Швейцаріи и Италіи коммиссаромъ Временнаго Правительства Сватиковымъ и коммиссіей Е. И. Раппа въ Парижѣ:

1) „Шарни", она-же „Шальной",—Марія Алексѣева *Загорская*, видная с.-р. въ Парижѣ, жалов. 3.500 фр. въ мѣсяцъ.

2) „Американецъ"—Антонъ *Поповъ*, онъ-же Даніилъ Семеновъ, секретный сотрудникъ Одесскаго жандармскаго управленія, затѣмъ Заграничной Агентуры. Освѣщалъ моряковъ. С.-р.

3) „Матиссе", онъ-же „Сенаторъ"—свободный художникъ Александръ *Зиновьевъ*, освѣщалъ Бурцева, жал. 500 фр. въ мѣсяцъ.

4) „Ратмиръ"—французскій публицистъ Раймондъ *Рекюли*, освѣщалъ связь между русской и французской соціалистической интеллигенціей.

5) „Космополитъ" — *Орловскій*, анархистъ, жилъ въ Брюсселѣ, Лондонѣ, живетъ въ Гаагѣ (Голландія), жалов. 350 фр. въ мѣсяцъ.

6) „Сержъ", онъ же „Сережа"—Николай *Чеканъ*, с.-р., въ Парижѣ, жалов. 250 фр. въ мѣсяцъ.

7) „Дассъ"—Евгеній Юліевъ *Гольдендахъ*, освѣщалъ Бурцева и революціонныя группы вообще, жалов. 200 фр. въ мѣсяцъ.

8) „Пьеръ" — бар. *Штакельбергъ*, поручикъ-артиллеристъ, б. сотрудникъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія, с.-р., освѣщалъ военную организацію; 1.300 фр. въ мѣсяцъ.

9) „Скоссъ"—грузинъ А. *Деметрашвили* въ Парижѣ, освѣщалъ національныя организаціи.

10) „Гретхенъ"—Игнатій Мошковъ *Кокочинскій*, или Кокоцинскій, бундовецъ, партійная кличка „Павелъ", секретарь центральнаго бюро заграничной организаціи „Бунда", жалов. 1000—1250 фр. въ мѣсяцъ.

11) „Поль" (онъ-же „Новый")—Янусъ (Иванъ) Эрдмановъ (Германовъ) *Шустеръ*, с.-д., латышъ, 600 фр, въ мѣсяцъ, жилъ въ Швейцаріи, теперь въ Россіи.

12) „Мартэнъ"—Аронъ-Яковъ Хаимовъ-Ицковъ *Моделъ*, б. студ.-мед. въ Швейцаріи, нынѣ врачъ въ Россіи.

13) „Лебукъ"—Минасъ Степановъ *Санвеловъ* (онъ-же Самуэлянъ), агентъ полк. Мартынова въ Баку, освѣщалъ въ Швейцаріи армянскія организаціи („Дрошакъ"), жал. 650 фр.

14) „Шарпантье"—инженеръ Исаакъ Леонтьевъ (Ицхокъ Лейбовъ) *Абрамовъ*, с.-р., жилъ въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Женевѣ, освѣщалъ группу „Призывъ".

15) „Россини"—Яковъ Хаимовъ (Ефимовъ) *Вакманъ*, окончилъ юридическій и экономическій факультетъ Женевскаго университета докторъ правъ Римскаго университета, с.—р., въ Швейцаріи и Римѣ, жал. 600 фр.

16) „Женераль", онъ-же „Генералъ",—Берке Янкелевъ (Іейсефовъ), *Каганъ*, онъ-же Залманъ Хаимовъ Бергеръ, онъ-же Андрей Максимовичъ Андерсенъ, бундовецъ, сотрудникъ въ Парижѣ, Канадѣ и Стокгольмѣ, жал. 550 фр.

17) „Луи"—(карточки на это лицо нѣтъ).

18) „Гишонъ",—Николай *Байковскій*, онъ-же Н. Рюссо, редакторъ „Родины", освѣщалъ украинцевъ, въ Торонто (Канада), жал. 750 фр.

19) „Веберъ"—*Селивановъ*, Николай Петровъ, парт. клички „Шабельскій", агентъ въ Иркутскѣ, Краковѣ, Парижѣ и Лондонѣ, освѣщалъ с.-р. и с.-д. большевиковъ, жал. 450 фр.

20) „Ніель"—Евсей Григорьевъ *Бронтманъ*, работалъ въ Италіи, Англіи, жал. 700 фр.

21) „Ней"—Василій Григорьевъ *Гудинъ*, лекторъ русскаго языка при Ливерпульскомъ университетѣ, с.-д. большевикъ, жал. 400 фр.

22) „Сименсъ"—Альбертъ Михайловъ *Цугарманъ* (онъ-же Сугарманъ, Цукерманъ, Орловъ), анархистъ, въ Лондонѣ, жал. 17 фунтовъ стерлинговъ (425 фр.).

23) „Франсуа"—Алексѣй Михайловъ *Савенковъ*, (паспортъ А. М. Соколова), с.-р. рабочій, освѣщалъ итальянскую Ривьеру, жал. 500 фр.

24) „Орликъ", онъ-же „Кобчикъ", онъ-же „Захаръ",—членъ с.-дем. фракціи I Государственной Думы Захаръ Ивановъ *Выровой*, освѣщалъ анархистовъ-коммунистовъ, жал. 400 фр.

25) „Шарль",—Бенціонъ *Долинъ*, изъ Житомира, анархистъ, въ Швейцаріи, Цюрихъ, освѣщалъ анархистовъ, былъ въ сношеніяхъ съ германской военной развѣдкой въ Бернѣ.

Къ этому списку нужно добавить еще работавшихъ въ 1917 г.:

26) „Люси", онъ же „Неверъ", онъ же „Марго",—Жоржъ *Латрикъ*, освѣщалъ с.-р. и анархистовъ въ Парижѣ и въ Америкѣ, 1500 фр.

27) „Анатоль"—Аврумъ Перцевъ *Каганъ*, пользовался адресами Іосифа Лернера и Абрама Когена въ Нью-Іоркѣ, быв. сотрудникъ Одесскаго и Волынскаго жанд. управленій, освѣщалъ „Бундъ", Троцкаго и т. д., жал. 500 фр. въ мѣсяцъ.

28) „Додэ", онъ же „Андрэ", врачъ Яковъ Абрамовъ *Житомирскій*, с.-д. большевикъ, партійная кличка „Отцовъ", освѣщалъ центральный комитетъ с.-д., жал. 2000 фр. въ мѣсяцъ. Этими именами можно и ограничиться, равно какъ и краткими характеристиками. Подробный списокъ заграничныхъ провокаторовъ и шпіоновъ будетъ данъ нами въ особомъ очеркѣ подъ названіемъ „Заграничные провокаторы". Имена:

„Шарни“, „Шарль“ и т. д. суть охранныя клички „сотрудниковъ“. данныя имъ Красильниковымъ для конспираціи. Какъ мы видимъ, охрана имѣла своихъ секретныхъ сотрудниковъ почти повсюду, и въ смыслѣ географическомъ, вездѣ, гдѣ жила русская политическая эмиграція, и въ смыслѣ партійномъ.

VII. Характеристика охранниковъ и ихъ работы по ихъ показаніямъ и по документамъ Парижскаго Архива. Образовательныя поѣздки шпіоновъ на Ривьеру. Заключеніе.

Обращаясь засимъ къ руководящему составу бюро, должно сказать, что сначала, по пріѣздѣ Красильникова, въ 1909 г. руководителями секретной агентуры были: ротмистры Андреевъ, Долговъ, а затѣмъ подп. Эргардтъ. Для характеристики Эргардта, который умеръ въ 1915 г. въ Парижѣ, можно привести нѣсколько словъ изъ исповѣди „Шарля“ (Б. Долина), застрѣлившагося въ началѣ революціи провокатора-анархиста. „Я былъ случайной жертвой охранниковъ“,— пишетъ Долинъ въ „Исповѣди“ („Русское Слово“, 1917 г., 9 мая, № 103). „Жандармъ Эргардтъ, начиная съ перваго моего ареста, когда мнѣ было двадцать лѣтъ, до послѣдняго времени всю мою жизнь былъ моимъ злымъ геніемъ; разъ вцѣпившись, онъ больше не выпускалъ меня изъ своихъ когтей“... Эргардтъ, судя по жалобамъ провокаторовъ въ ихъ „исповѣдяхъ“, былъ не для одного Долина злымъ геніемъ. Впрочемъ, послѣ его смерти, начальство имѣло къ нему претензіи. Въ маѣ 1915 г. Красильниковъ писалъ директору Департамента Полиціи Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитъ, что „скорѣйшее возвращеніе въ Россію г-жи Эргардтъ (вдовы) являлось-бы весьма желательнымъ. Подъ вліяніемъ-ли поразившаго ее горя, отозвавшагося на ея психическомъ состояніи и на ея и безъ того тяжеломъ и рѣзкомъ характерѣ, но г-жа Эргардтъ послѣ смерти мужа неоднократно высказывалась въ томъ смыслѣ, что если она не получить желаемой матеріальной поддержки отъ Департамен-

та Полиціи, то она воспользуется знакомствомъ своимъ съ секретными сотрудниками и имѣющимися у нея о нихъ свѣдѣніями. Къ сожалѣнію, какъ теперь это обнаружилось, подп. Эргардтъ велъ свои сношенія съ агентурою настолько семейно, что жена его была знакома съ нѣкоторыми его сотрудниками, которые у него даже бывали на дому. Точно установить, сколько и кого именно изъ сотрудниковъ знаетъ г-жа Эргардтъ, я не имѣлъ возможности но мнѣ извѣстно, что она знакома съ сотрудникомъ „Додэ", который бывалъ у подп. Эргардта, такъ же какъ, по словамъ ротм. Люстиха, и сотрудникъ „Гретхенъ". Насколько могу судить, знакомъ съ г-жею Эргардтъ и „Лебукъ". Подп. Эргардтъ поручалъ женѣ и дочери отправлять по почтѣ посылки служащему волонтеромъ во французской арміи сотруднику „Сержу", котораго, слѣдовательно, г-жа Эргардтъ тоже знаетъ. Извѣстный Вашему Превосходительству „Шарль", по пріѣздѣ изъ Петрограда въ Парижъ, не увѣдомилъ о своемъ прибытіи ни меня, ни бюро агентуры, а прямо направился на личную квартиру подп. Эргардта и, не заставъ дома г-жу Эргардтъ, бесѣдовалъ съ ея матерью. Знаетъ-ли г-жа Эргардтъ извѣстныхъ ей сотрудниковъ только по кличкамъ или-же знаетъ она и ихъ личности, трудно сказать. Обнаружившійся теперь упрощенный способъ сношеній съ агентурой подп. Эргардта, видимо мало что скрывавшаго отъ своей жены, допускаетъ всѣ предположенія"... Впрочемъ, Красильниковъ допускалъ, что г-жа Эргардтъ и преувеличиваетъ свою освѣдомленность, въ надеждѣ этимъ добиться желаемаго. Красильниковъ приводилъ два случая, когда г-жа Эргардтъ, требуя пособія, говорила:

—„Вѣдь не къ „друзьямъ" же Александра Владимировича мнѣ идти за деньгами"...

И затѣмъ:—„Ну такъ, я пойду къ „друзьямъ" Александра Владимировича"!..

Губернскому секретарю Литвину г-жа Эргардтъ „высказалась болѣе опредѣленно, а именно что ей извѣстно, будтобы Департаментомъ Полиціи дана была крупная пенсія одному изъ завѣдывавшихъ розыскомъ потому, что онъ угрожалъ въ противномъ случаѣ разоблачить всю агентуру, и что, если

ей не будетъ назначено достаточно, то она поступитъ такъ-же. Добавивъ:—"у меня вѣдь они всѣ переписаны"...

Красильниковъ принялъ мѣры предосторожности: сдалъ конспиративную квартиру, которой пользовался подп. Эргардтъ, перемѣнилъ клички сотрудниковъ. Что-же касается г-жи Эргардтъ, то,—писалъ Красильниковъ,—„было бы ошибкой показать ей, что ея заявленія производятъ впечатлѣніе и ихъ боятся, а слѣдуетъ наоборотъ объявить ей, что при первой-же съ ея стороны попыткѣ использовать во вредъ что-либо, могущее ей быть извѣстнымъ по службѣ ея покойнаго мужа, она можетъ быть пенсіи совершенно лишена". Департаментъ Полиціи держался того взгляда, что лучше избѣгать разоблаченій, и платилъ вдовѣ до марта 1917 г. почти по тысячѣ франковъ ежемѣсячно.

Эргардта, который, главнымъ образомъ, завѣдывалъ секретными сотрудниками, смѣнилъ ротм. Влад. Эмил. *Люстихъ*, который прибылъ въ 1912 г. въ Парижъ изъ Царства Польскаго, гдѣ состоялъ помощникомъ управляющаго Варшавскимъ Охраннымъ Одѣленіемъ (по району). Согласно его показаніямъ въ коммиссіи Раппа, «корреспонденція секретныхъ сотрудниковъ получалась на адресъ конспиративной квартиры, которая служила также для свиданій подп. Люстиха съ Красильниковымъ. Свиданія съ сотрудниками, передача имъ денегъ и т. п. происходили въ кафе. Личность секретныхъ сотрудниковъ, была извѣстна Красильникову, но непосредственныя сношенія съ ними велъ подп. Люстихъ, который въ этомъ отношеніи никакой автономіей не пользовался. Настоящія имена сотрудниковъ были извѣстны только фамиліи, подъ которыми они проживали. Но всегда были извѣстны партійная принадлежность сотрудника и его роль въ организаціи. Разсчеты съ сотрудниками велись на началахъ личнаго довѣрія, никакихъ оправдательныхъ документовъ не имѣлось, расписанъ въ полученіи подп. Люстиху никогда не представлялось и онъ ихъ не требовалъ. Ротм. Лиховскій и колл. секр. Литвинъ получали деньги для расплаты съ сотрудниками черезъ подп. Люстиха. Всѣмъ сотрудникамъ внѣ Швейцаріи и Лондона высылалъ деньги Люстихъ». Здѣсь нужно замѣтить, что Лиховскій

завѣдывалъ сотрудниками въ Швейцаріи, Литвинъ—въ Англіи, Левизъ-офъ-Менаръ—въ Скандинавіи. Къ своему показанію Люстихъ добавилъ, что «корреспонденція сотрудниковъ не вся получалась на адресъ конспиративной квартиры: обнаружилось, что по мѣстнымъ условіямъ, въ конспиративной квартирѣ нѣтъ надобности, и квартира одно время была ликвидирована, но потомъ была возобновлена около $1^1/_2$—2 лѣтъ тому назадъ»...

Ротмистръ Бор. Витал. *Лиховскій*, прикомандированный къ Петроградскому жандармскому управленію, въ началѣ 1-го іюля 1915 г. былъ командированъ въ Парижъ. Ранѣе служилъ въ Московскомъ Охранномъ Отдѣленіи и Бакинскомъ жандармскомъ управленіи. Находился все время въ Швейцаріи, былъ въ прямомъ подчиненіи Красильникову, подп. Люстиху подчиненъ не былъ. Сотрудниковъ всѣхъ нашелъ на мѣстѣ въ Швейцаріи. Послѣднее время имѣлъ дѣло съ тремя сотрудниками, первоначально ихъ было пять.

Ротмистръ *Левизъ-офъ-Менаръ* пробылъ заграницею очень недолго, мѣсяца 2. Вмѣстѣ съ Красильниковымъ прибылъ въ Стокгольмъ, гдѣ вошелъ въ связь съ провокаторомъ „Женераль“ (Андерсенъ-Каганъ). Пробовалъ обосноваться въ Христіаніи, гдѣ очень строго смотрѣли на новопріѣзжихъ, подозрѣвая въ нихъ военныхъ шпіоновъ, а поэтому перекочевалъ въ Копенгагенъ. Донесенія, которыя посылалъ Левизъ-офъ-Менаръ въ Департаментъ, касались почти исключительно германскаго шпіонажа, дѣятельности германцевъ по части привлеченія молодыхъ финляндцевъ въ ряды германской арміи и отправки ихъ-же черезъ Финляндію въ Россію для взрыва мостовъ. Донесенія эти касались также лицъ, ввозившихъ въ Россію товары германскаго производства подъ видомъ нейтральныхъ и даже союзническихъ, и дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя направлялись въ Россію, чтобы вести тамъ пораженческую и пацифистскую пропаганду.

Скандинавскій отдѣлъ Агентуры былъ созданъ по идеѣ Протопопова, который заявилъ, что необходимо имѣть въ Копенгагенѣ, этомъ, по выраженію Протопопова, „международнымъ корридорѣ“ своего довѣреннаго человѣка. По показаніямъ Бинта, онъ долженъ былъ въ апрѣлѣ 1917 г. выѣхать

въ Парижъ для того, чтобы расширить дѣятельность скандинавской агентуры, въ которой принималъ усиленное участіе его помощникъ Самбенъ. По показанію Бинта, агентъ скандинавскаго отдѣла Агентуры видѣлъ нѣсколько разъ въ Стокгольмѣ, какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Протопоповъ, тогда еще вице предсѣдатель Гос. Думы, возвращавшійся съ делегаціей Думы въ Россію, нѣсколько разъ дѣлалъ визитъ германскому послу въ Стокгольмѣ, „qui en avait été estomacqué", по выраженію Бинта.

Въ Англіи охраной (секретными сотрудниками) завѣдывалъ кол. секр. Антонъ Ив. *Литвинъ*, проживавшій по паспорту Линдена. Литвинъ служилъ съ 1904 по 1911 г. въ Варшавскомъ Охранномъ Отдѣленіи. „Завѣдуя агентурой, Литвинъ, какъ обладающій смѣлостью и трудоспособностью, съ выдающимся успѣхомъ провелъ,—по словамъ офиціальной справки,—рядъ наиболѣе серьезныхъ дѣлъ по террористическимъ выступленіямъ, при обстановкѣ явно опасной для его жизни", за что былъ награжденъ Станиславомъ, а потомъ Владиміромъ IV ст. Однако, по словамъ той-же записки,—„въ 1908 г. на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ поступила телеграмма отъ еврейки Луцкой съ жалобой о томъ, что Литвинъ, съ цѣлью вымогательства 1000 р. денегъ отъ ея мужа, заключилъ послѣдняго подъ стражу". Инспекторскій Отдѣлъ Департамента Полиціи затребовалъ дѣло къ себѣ и не возбудилъ дѣла, однако сообщилъ „черезъ Особый Отдѣлъ Департамента Полиціи помощнику Варшавскаго ген.-губернатора по полицейской части, что Литвинъ, будучи чиновникомъ порученій Охраннаго Отдѣленія, производилъ обыски и разслѣдованія по общеуголовному дѣлу о хищеніяхъ и кражахъ, чѣмъ и нарушилъ основныя правила дѣятельности Охранныхъ Отдѣленій".

„Изъ доклада о провѣркѣ въ 1910 г. политическаго розыска при Варшавскомъ Охранномъ Отдѣленіи усматривается, что Литвинъ проявилъ рядъ неправильныхъ дѣйствій по завѣдыванію секретной агентурой и допустилъ своихъ сотрудниковъ къ совершенію провокаціонныхъ дѣйствій. Кромѣ того отъ секретныхъ сотрудниковъ поступили заявленія о недобросовѣстной расплатѣ Литвина съ ними".

Поэтому было предписано „отвести Литвина отъ единенія съ агентурой и по истеченіи нѣкотораго времени устроить его внѣ розыскныхъ учрежденій Привислянскаго Края".

Въ 1911 г. „Литвину за участіе въ недобросовѣстной игрѣ въ карты въ Варшавскомъ Русскомъ Собраніи, предложено оставить службу въ Варшавскомъ Охранномъ Отдѣленіи. Кромѣ того, по имѣющимся въ Департаментѣ свѣдѣніямъ, Литвинъ, при возбужденіи вопроса о возможности оставленія имъ службы въ Отдѣленіи и не разсчитывая получить послѣ ухода изъ Отдѣленія какое-либо мѣсто, высказывалъ, что онъ постарается о своемъ удаленіи противъ его желанія возбудить дѣло судебнымъ порядкомъ и обнаружить при этомъ секретныя дѣла, касающіяся его службы въ Отдѣленіи, въ виду чего сообщено было ген. Утгофу объ учрежденіи за Литвиномъ секретнаго наблюденія.

„Въ іюнѣ 1911 г. въ Департаментъ Полиціи являлась жена Литвина и заявила, что ея семья, за увольненіемъ ея мужа, обречена на голоданіе. Изъ дальнѣйшаго разговора съ г-жей Литвинъ усматривалось, что ея мужъ, будто-бы, велъ игру подъ давленіемъ полк. Глобачева и что, если ея мужъ не будетъ устроенъ, то, повидимому, они намѣрены перейти на путь какихъ-то открытій". Это обозначало, конечно, не путь научныхъ открытій, а разоблаченія тайнъ охранки.

Очевидно, тов. министра внутреннихъ дѣлъ понялъ, что не стоитъ обижать хорошаго человѣка, и „съ разрѣшенія директора Департамента Полиціи Литвинъ былъ принятъ въ концѣ 1911 г. на службу по вольному найму въ Московское Охранное Отдѣленіе, но съ условіемъ, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не былъ допускаемъ къ личнымъ сношеніямъ съ агентурой". Въ іюлѣ 1912 г. Литвинъ былъ командированъ заграницу къ Красильникову.

Послѣдній посылалъ его на свиданія съ секретными сотрудниками; между прочимъ, вмѣстѣ съ провокаторомъ Долинымъ, Литвинъ участвовалъ въ грандіозной попыткѣ Департамента Полиціи спровоцировать германскую военную развѣдку въ Швейцаріи и Россіи, каковая попытка кончилась настолько печально, что приходитъ невольно въ голову мысль о сознательномъ предательствѣ Департамента. И этотъ уголовный субъ-

ектъ, въ концѣ концовъ, былъ поставленъ во главѣ русскихъ провокаторовъ въ Англіи.

На допросѣ завѣдывающій Заграничной Агентурой д. с. с. *Красильниковъ* показалъ: „Я назначенъ въ Парижъ въ ноябрѣ 1909 года. Агентура была мною принята отъ ротмистра отдѣльнаго корпуса жандармовъ Андреева. Непосредственно послѣ пріѣзда моего въ Парижъ въ 1909 г. я никакого отношенія къ агентурѣ не имѣлъ, агентурой завѣдывалъ ротмистръ Долговъ. На мнѣ же, какъ не спеціалистѣ по розыску, лежало лишь офиціальное представительство. Но впослѣдствіи было признано неудобнымъ раздѣленіе представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на офиціальныхъ и неофиціальныхъ, французскому правительству неизвѣстныхъ, и ротмистръ Долговъ былъ подчиненъ мнѣ, какъ офиціальному начальнику бюро. Когда Долговъ ушелъ изъ Парижа, мнѣ былъ переданъ одинъ изъ его сотрудниковъ. Но большая часть сотрудниковъ, напримѣръ, большинство сотрудниковъ подп. Эргардта, оставалось мнѣ лично неизвѣстной,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сотрудникъ почему-нибудь мнѣ былъ представленъ. Лично моими сотрудниками были „Шарни“ и „Ратмиръ“. Большая часть кличекъ сотрудниковъ была измѣнена подп. Эргардтомъ. У командированнаго въ Англію для сношеній съ секретной агентурой кол. секр. Литвина, первоначально присланнаго въ Парижъ, какъ помощникъ подп. Эргардта, дабы отвести отъ послѣдняго слѣжку, никакихъ служебныхъ бумагъ остаться не должно было. Сотрудники по именамъ и по ихъ партійному положенію мнѣ извѣстны всѣ; но лично я соприкасался лишь съ нѣкоторыми“. Слѣжка, о которой говорится въ показаніяхъ Красильникова, есть, конечно, надзоръ за Эргардтомъ со стороны революціонеровъ.

На второмъ допросѣ Красильниковъ показалъ: «Мною была принята отъ ротм. Андреева не секретная агентура, а вообще бюро. Что касается „сотрудниковъ“, то мнѣ даже запрещено было касаться этой стороны дѣла, ограничиваясь контролемъ надъ дѣйствіями подп. Эргардта. Я зналъ всѣхъ по фамиліямъ, но не могъ вмѣшиваться въ агентуру. Сотрудниками, съ которыми я лично имѣлъ дѣло, были

„Шарни“, „Ратмиръ“, „Туристъ“, „Янусъ“, „Гамлетъ“, „Манчжурецъ“...

Красильниковъ въ своихъ показаніяхъ былъ правъ, когда говорилъ, что секретная агентура была поручена главнымъ образомъ, Эргардту, и неправъ, когда пытался уклониться отъ отвѣтственности за общее руководство агентурой.

Титул. сов. *Мельниковъ*, прибывшій въ Парижъ, какъ чиновникъ для письма,—по собственному показанію,—„фактически, послѣ увольненія (въ 1913 г.) въ отставку Сушкова, былъ помощникомъ д. с. с. Красильникова, замѣнялъ его во время его отсутствія“. На вопросъ объ уплатѣ жалованья секретнымъ сотрудникамъ отвѣтилъ: „въ отсутствіе А. А. Красильникова деньги выдавались глобальной суммой завѣдующему секретной агентурой подъ расписку. Какъ удовлетворялись жалованьемъ сотрудники, находившіеся въ личномъ завѣдываніи Красильникова, мнѣ не извѣстно. Я не имѣлъ сношеній, ни съ однимъ сотрудникомъ. Фамиліи сотрудниковъ мнѣ не были извѣстны. Мѣсячная смѣта составляла около 57.600 фр. Расходовалось около 45.000 фр., благодаря чему получались остатки, позволявшіе бюро существовать даже въ тѣ мѣсяцы, когда не получалось ассигновки изъ Петрограда, какъ это имѣло мѣсто, напр., въ декабрѣ 1916 г. На всѣхъ сотрудниковъ, гдѣ бы они ни находились, получалъ деньги Люстихъ. Я имѣлъ командировки, напримѣръ, въ Италію, гдѣ помогалъ ставить наружное наблюденіе“. Мы увидимъ далѣе, въ чемъ заключалось дѣло поѣздки Мельникова въ Италію. Что касается расплаты съ сотрудниками, то, повидимому, таковая производилась съ заграничными «сотрудниками» добросовѣстно. По крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ допрошенныхъ секретныхъ сотрудниковъ не заявилъ жалобъ на Красильникова и его помощниковъ, и цыфры вознагражденія сотрудниковъ по отчетамъ Департамента и по заявленіямъ самихъ сотрудниковъ вполнѣ совпадали.

Небезполезно привести здѣсь показанія нѣкоторыхъ агентовъ—иностранцевъ. «Вотъ,—пишетъ *Бинтъ*,—сжатый отчетъ о работѣ, исполненной, особенно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, мною на службѣ у русской политической полиціи въ Парижѣ.

Я служилъ послѣдовательно подъ начальствомъ, начиная съ 1881 г.—дата сформированія этой полиціи,—гг. Корвина, Рачковскаго, Ратаева, Гартинга (Ландэзена), капитана Андреева и Красильникова. Трудъ состоялъ въ надзорѣ, слѣжкѣ (filatures) во Франціи и заграницею, во вскрытіи (но не похищеніи) корреспонденціи, охранѣ Императорской фамиліи или отдѣльныхъ ея членовъ или же высокихъ особъ. Слѣжка моя была направлена въ послѣдніе годы, сколько я упомню, за Владимиромъ Бурцевымъ, Бакаемъ, Борисомъ Савинковымъ, Евгеніей Сомовой, Владимиромъ Фабрикантомъ, Борисомъ и Сергѣемъ Моисеенко, Фундаминскимъ и его женою, Авксентьевымъ, Натансономъ, Чернявскимъ, Натальей Климовой, Вѣрой Школьникъ, Кобызевымъ, Павломъ Столяровымъ, за Бесселемъ, котораго я прослѣдилъ до Одессы, гдѣ послѣдній былъ арестованъ, за г-жей Лазаркевичъ, Рубановичемъ, Кулишеромъ, Слетовымъ, Бартольдомъ, Клепиковымъ, Аргуновымъ, Кудатовыми, Екатериной Акинфіевой, Мих. Курисько, Березинымъ, Викторомъ Черновымъ, Вѣрой Гоцъ, Смирновымъ (Студеникинымъ), Александрою Картвеловой, Адольфомъ Іоффе, Михаиломъ Абрамовымъ; въ Женевѣ—за Брешковскою, Іудкою Гройзманъ, Георгіемъ Гогелія, г-жей Долженко, Бастричевымъ (?), Давидовымъ, Лейзеромъ Кацъ, Андреемъ Колосовымъ, Влад. Моисеевымъ, Ривкинымъ, Карповичемъ, Влад. Машковецъ, Петровымъ, Поповымъ, Георгіемъ Церетели, Викторомъ Крохмаль (кличка Загорскій), Инною Леманъ, рожд. Смидовичъ, Степаномъ Романовымъ, Краковымъ, Менделемъ Розенбаумъ, Валентиномъ Гроздовымъ (?), онъ-же Тамбовцевъ или Ястребовъ; за Викторомъ Рабиновичъ, за г-жей Клеимковой (?), Владим. Ченыкаевымъ, Маріей Обуховой, Егоромъ Лазаревымъ (въ Божисюръ-Кларанъ), за Ленинымъ въ Цюрихѣ, Игнатіемъ Музиль, Воронинымъ, Янкелемъ Михелемъ Котовичъ, Мих. Рождественскимъ, Алекс. Устиновымъ, Лебедевымъ, Прекеромъ и др. Корреспонденція эмигрантовъ изъ Россіи была часто вскрываема (violée) при Рачковскомъ, но совершенно оставлена послѣдніе 4 года".

Изъ большого списка эмигрантовъ, какъ мы видимъ, лишь немногіе принадлежатъ къ анархистамъ и с.-д., подав-

ляющее большинство наблюдаемыхъ—с.-р. Отсюда ясно, что боязнь за неприкосновенность личности и за жизнь правящихъ, боязнь террора, преобладала надъ боязнью за старый порядокъ. Бинтъ скромно умалчиваетъ, что переписка эмигрантовъ не только вскрывалась, фотографировалась и калькировалась, но и просто удерживалась путемъ кражи съ квартиръ (отъ консьержекъ) и даже съ почты. Бинтъ умолчалъ также и о своемъ участіи въ разгромѣ народовольческой типографіи въ Женевѣ въ 1886 г., что было уголовнымъ преступленіемъ.

„Каждый разъ, когда Императорская фамилія прибывала за-границу,—показывалъ Бинтъ,—я со своими агентами былъ въ охранѣ. То же самое, когда отдѣльный членъ Дома путешествовалъ заграницею, причемъ послѣдній разъ передъ войною это былъ в. к. Михаилъ Александровичъ, и подъ прямымъ начальствомъ ген. Герасимова я присутствовалъ въ Вѣнѣ при бракосочетаніи в. к. Михаила. Я также сопровождалъ въ ихъ путешествіи заграницу нѣкоторыхъ министровъ, въ послѣдній разъ предсѣдателя Совѣта Министровъ Коковцева (по Австріи, Италіи, Франціи и Германіи), равно какъ и директоровъ и вице-директоровъ Департамента Полиціи. Графъ Витте и предсѣдатель Совѣта Министровъ давали мнѣ неоднократныя порученія“.

Совершенно неудобно опубликовывать показанія Бинта объ организаціи военной контръ-развѣдки въ Скандинавіи и Швейцаріи. Однако, можно отмѣтить, что, поѣхавши по этимъ дѣламъ въ Швейцарію, онъ былъ тамъ арестованъ и сидѣлъ $2^1/_2$ мѣсяца въ предварительномъ заключеніи до конца русскаго марта-мѣсяца. Такимъ образомъ, вѣсть о русской революціи достигла до него во время его заключенія. За свои „заслуги“ Бинтъ имѣлъ орденъ св. Анны, „награда, которой не удостоивался никто изъ моихъ французскихъ коллегъ“, какъ отмѣтилъ горделиво суетный и честолюбивый Бинтъ.

Помощникъ Бинта Самбенъ служилъ съ 1901 г.,—по его показаніямъ,—слѣдилъ за эмигрантами: кн. Кропоткинымъ, Бурцевымъ, Краковымъ, Петромъ Струве, Савинковымъ, Натансономъ, Кузьминымъ, Моисеенко, Петромъ Рутенбергъ и др.

Въ Швейцарію онъ дѣлалъ долговременные наѣзды въ 1903, 1905—1908 и 1911 г.г. и слѣдилъ за Черновымъ, Мих. Гоцемъ, Миноромъ, Лазаревымъ, Гершуни, обоими братьями Кереселидзе, Магаловымъ, Гогелія, Джапаридзе и за Брешковской (или, какъ пишетъ Самбенъ, „мадамъ Бретчкофска"). Я сопровождалъ,—пишетъ Самбенъ,—многихъ членовъ бывшей императорской фамиліи, въ частности Ея эксъ-Величество Императрицу-Мать въ ея путешествіяхъ въ Данію, эксъ-Императора Николая въ его визитахъ во Францію, Англію, Германію, Швецію и Румынію и въ его морскихъ путешествіяхъ въ Финляндію и Швецію". Сопровождалъ онъ и в. к. Михаила въ 1910—1913 г. Дѣятельность Самбена во время войны была очень полезна для военнаго дѣла равно, какъ и дѣятельность Бинта.

Для характеристики „работы" охранниковъ приведемъ здѣсь переписку Красильникова съ его помощникомъ Мельниковымъ по поводу предъявленія агентамъ Дворцовой Охраны революціонеровъ, жившихъ заграницею. Какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, заграницу посылались столичные и изъ главнѣйшихъ пунктовъ филеры для того, чтобы, такъ сказать, сфотографировать въ умѣ лица наиболѣе видныхъ эмигрантовъ. 9 (22) апрѣля 1912 г. Мельниковъ сообщалъ изъ Генуи въ Парижъ: „Отъ Жоливе*) я получилъ увѣдомленіе, что работа русскихъ людей въ Кави благополучно ими окончена, и ему удалось показать всѣхъ интересныхъ лицъ". Какъ мы видимъ, Мельниковъ пытается соблюсти какую-то, хотя и весьма дѣтскую, конспирацію, называя сыщиковъ „русскими людьми". Что-же касается,—продолжалъ Мельниковъ,—до 2 русскихъ, нынѣ находящихся въ Санъ-Ремо, то Морису остается имъ показать лишь Савинкова (всѣхъ прочихъ русскіе уже видѣли). Но такъ какъ, по словамъ Мориса, Савинковъ рѣдко выходитъ изъ виллы, то русскимъ придется, въ ожиданіи его появленія, пробыть въ Санъ-Ремо еще нѣкоторое неопредѣленное время. Какъ только получу отъ Мориса извѣщеніе, что ему удалось показать Савинкова, мы всѣ вмѣстѣ немедленно выѣдемъ изъ Генуи въ Парижъ.

„Двое остальныхъ русскихъ находятся въ Кави, гдѣ

*) Жоливе—французъ, агентъ Бинта. *С. Св.*

продолжаютъ работу. начатую ими сызнова. Сегодня съ утреннимъ поѣздомъ прибылъ сюда, встрѣченный нами на вокзалѣ, Борисъ Моисеенко. Пробывъ здѣсь около 25 минутъ, онъ съ поѣздомъ отправился въ Сестри. „О встрѣчѣ его тамъ Дюренъ предупредилъ Жоливе телеграммою".

Шпики устраивали свои поѣздки на итальянскую и французскую Ривьеру въ самое лучшее время итальянской весны, въ апрѣлѣ. Черезъ годъ Мельниковъ писалъ уже изъ Ниццы (тоже 9-22 апрѣля, въ 1913 г.): „Въ дополненіе къ моей телеграммѣ отъ сего числа, въ коей я просилъ инструкцій относительно предстоящей работы третьей партіи русскихъ механиковъ, я, кромѣ того, позволилъ себѣ высказать мнѣніе, что лучше было бы пока обождать ихъ посылкою на работу въ Кави-ди-Лаванья по слѣдующымъ причинамъ:

„1) Необходимо, чтобы Кавійцы*) немного успокоились и нѣкоторое время не видѣли у себя подозрительныхъ лицъ. Въ каждомъ появляющемся въ Кави иностранцѣ, они, въ особенности, Колосовъ, видятъ русскихъ агентовъ, пріѣхавшихъ туда съ цѣлью за ними наблюдать. Такъ произошло и съ нѣкоторыми изъ нашихъ механиковъ, на которыхъ, при каждой съ ними встрѣчѣ Колосовъ и его пріятели очень подозрительно посматривали.

„2) Неимѣніе въ настоящее время подходящаго для русскихъ руководителя. Бывшій руководитель, итальянецъ Розелли, г. Дюреномъ откомандированъ для наблюденія на станціи Алессіо. Другіе, находящіеся въ распоряженіи г. Дюрена люди: итальянецъ Фрументо находится въ Неаполѣ съ Потоцкой, а «Генри» на станціи Генуя вмѣстѣ съ Дюреномъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ ни «Генри», ни Розелли руководителями при работѣ русскихъ быть не могутъ, такъ какъ они, въ особенности Розелли, очень хорошо извѣстны Кавійцамъ. Слѣдовательно для этой цѣли необходимо будетъ подыскать изъ общаго числа нашихъ людей такого человѣка, который бы зналъ въ лицо всѣхъ Кавійцевъ.

„Тѣмъ временемъ, когда будетъ подыскано подходящее

*) Т. е. политическіе эмигранты, проживавшіе въ Кави (около Генуи). *С. Св.*

для этой цѣли лицо, можно занять русскихъ работой здѣсь (въ Ниццѣ) и въ Санъ Ремо. Познакомить механиковъ съ интересными лицами, живущими въ этихъ городахъ, никакихъ затрудненій не представляетъ, и этимъ дѣломъ я могу заняться лично самъ. Всѣ эти лица хорошо извѣстны мнѣ, и я знаю мѣста, гдѣ можно ихъ встрѣтить».

Въ заключеніе Мельниковъ называлъ третью партію шпиковъ «послѣдней партіей механиковъ» и сообщалъ списокъ лицъ, показанныхъ «русскимъ механикамъ» въ Парижѣ, Ниццѣ, Санъ Ремо и Кави-ди-Лаванья.

Небезынтересно привести здѣсь этотъ «списокъ лицъ, кои были показаны 2-й группѣ филеровъ центральнаго отдѣленія Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія:—*Въ Парижѣ*—Маркъ Натансонъ, Валер. Агафоновъ, Ракитниковъ, Бессель и его жена, Вареновъ, Кисинъ, мужъ и жена Курисько, Ю. Дилевскій, Школьникъ, Вл. Бурцевъ, Мирка Горфейнъ, Розенфельдъ и его жена, Борисъ Бартольдъ, Березинъ, Лазаркевичъ («Днѣпровскій»), Софія Эфрусси («Сѣрая») жена Лазаркевича, Лебедевъ-Вороновъ, Авксентьевъ, Булгаковъ, Фейтъ, Смирновъ, Степанъ Слетовъ, Дудель Розе, Антипинъ, Рунге, Станкевичъ, Родштейнъ, Леоновичъ, Броунъ, Глотовъ, Лункевичъ, Массъ. *Въ Ниццѣ*—Владимиръ Фабрикантъ, Александръ Прибылевъ, Анастасія Малицкая. *Въ Санъ-Ремо*—Савинковъ, Луканов, Евг. Сомова, Полюховъ, Плехановъ съ дочерью. *Въ Кави-ди-Лаванья*—Столяровъ, Наташа Климова, Тарасова, Андрей Неждановъ («Соболь»), Карлъ Качоровскій, Евг. Колосовъ («Колари»), Николай Тютчевъ, Марія Ландау, Ксенія Зильбербергъ, Берже и его жена, Ив. Богдановъ («Костовичъ»), Нина Карабегова, М-ль Берестова или Березова, Черненковъ, М-ль Елкина, Боярскій и его жена, Борисъ Фабрикантъ, Салманова.

Какъ видно изъ этого списка, кромѣ видныхъ революціонеровъ, вродѣ Плеханова и Бурцева, а также немногихъ мало извѣстныхъ, случайныхъ лицъ, «предъявлены» были агентамъ почти, исключительно с.-ры. Уже въ 1913 г. Колосовъ началъ работу по контръ-выслѣживанію шпиковъ, ѣздившихъ на отдыхъ на Ривьеру. Еще хуже было для охраны въ 1914 году. 31 марта (13 апрѣля), Красильниковъ доносилъ дирек-

тору Департамента Полиціи Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитъ, что „предъявленіе агентамъ Дворцовой Агентуры проживающихъ заграницей революціонеровъ представляется въ настоящее время болѣе труднымъ, чѣмъ это было въ предшествующіе годы. Въ Парижѣ Бурцевъ нынѣ проявляетъ усиленную дѣятельность, стараясь выслѣживать ведущіяся наблюденія и устанавливать наблюдательныхъ агентовъ, для чего сподвижники его Леруа и др., спеціально обходятъ улицы кварталовъ, гдѣ проживаютъ эмигранты.

„Внѣ Парижа наиболѣе видные революціонеры проживаютъ въ Генуѣ, Кави, Нерви и Алессіо, а въ этихъ мѣстностяхъ, послѣ Бурцевскихъ выступленій въ лѣвыхъ итальянскихъ газетахъ, русскіе эмигранты только и ищутъ случая вызвать какой нибудь инцидентъ и установить ведущееся за ними наблюденіе русской полиціей, о дѣйствіяхъ коей они стремятся вновь начать кампанію въ печати.

„Кромѣ того, въ предшествующіе годы, сопровожденіе командированныхъ филеровъ для указанія имъ революціонеровъ поручалось мною наблюдательнымъ агентамъ Заграничной Агентуры, которымъ, конечно, дѣлалось извѣстнымъ, что пріѣзжіе являются состоящими на службѣ русскими агентами. Въ настоящее же время являлось бы крайне нежелательнымъ ставить агентовъ Розыскного Бюро „Бинтъ и Самбенъ“ въ сношеніе съ пріѣзжими филерами, что давало бы имъ возможность фактически установить связь этого „частнаго бюро“ съ Русской Охраной.

„Въ виду сего нынѣ мнѣ придется изыскать новые способы предъявленія революціонеровъ командируемымъ агентамъ и осуществлять оное особо осторожно и конспиративно, тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ, такъ или иначе возложенная на меня задача будетъ мною выполнена и командированные агенты Дворцовой Агентуры будутъ ознакомлены съ личностями видныхъ революціонеровъ, какъ въ Парижѣ, такъ и на югѣ Франціи и Италіи“. Красильниковъ просилъ, чтобы группы агентовъ были не болѣе, какъ по 4 чел., и чтобы, по возможности, ихъ не очень ограничивали временемъ.

Такимъ образомъ, предъ нами рисуется стройная картина организаціи, возглавляемой Красильниковымъ. Вверху его помощники изъ жандармскихъ офицеровъ, внизу сыщики и предатели. Всюду, гдѣ есть эмигранты, есть и око, бодрствующее и наблюдающее. Всюду видимъ мы трогательный союзъ политической полиціи всѣхъ странъ: во Франціи, Германіи, Австріи, Швеціи, Даніи. Нѣсколько хуже дѣла полиціи въ Швейцаріи, гдѣ помощь оказывалась лишь со стороны отдѣльныхъ агентовъ швейцарской полиціи. Еще хуже въ Англіи, гдѣ приходилось разсчитывать лишь на своихъ агентовъ и своихъ-же сотрудниковъ. Изъ списка провокаторовъ мы видимъ, что охрана имѣла ихъ повсюду: и у с.-д. (преимущественно, большевиковъ), и у с.-р., и у интернаціоналистовъ, и у оборонцевъ, и у анархистовъ, и около великаго разоблачителя—Бурцева. Изъ признаній директора Департамента Полиціи Бѣлецкаго мы знаемъ, что самое цѣнное для охраны—это были „секретные сотрудники", предатели и провокаторы. Вскрытію ихъ дѣятельности въ эпоху Гартинга и Красильникова (1905—1917) и будетъ посвященъ нашъ новый очеркъ: „Заграничные провокаторы".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

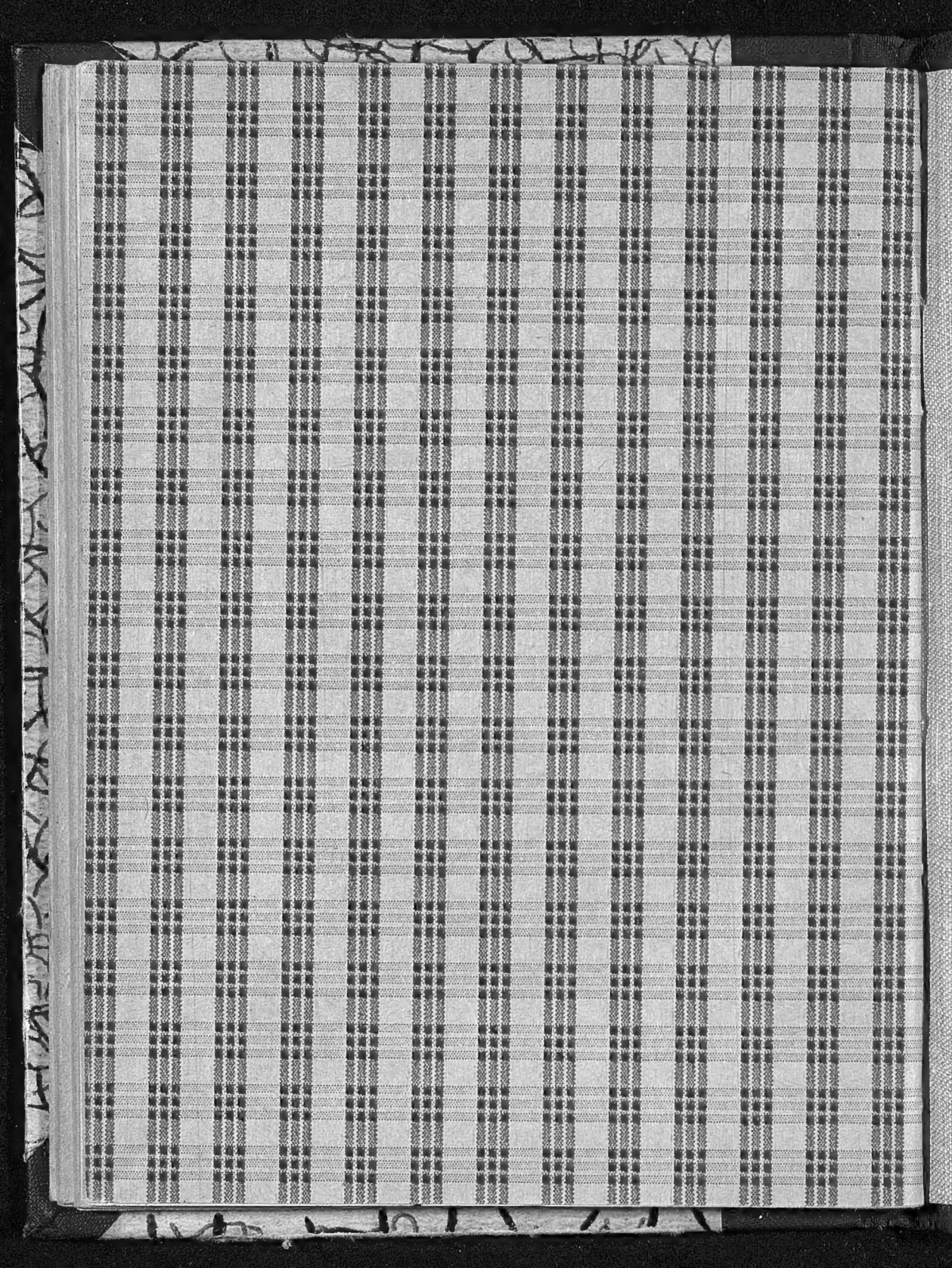
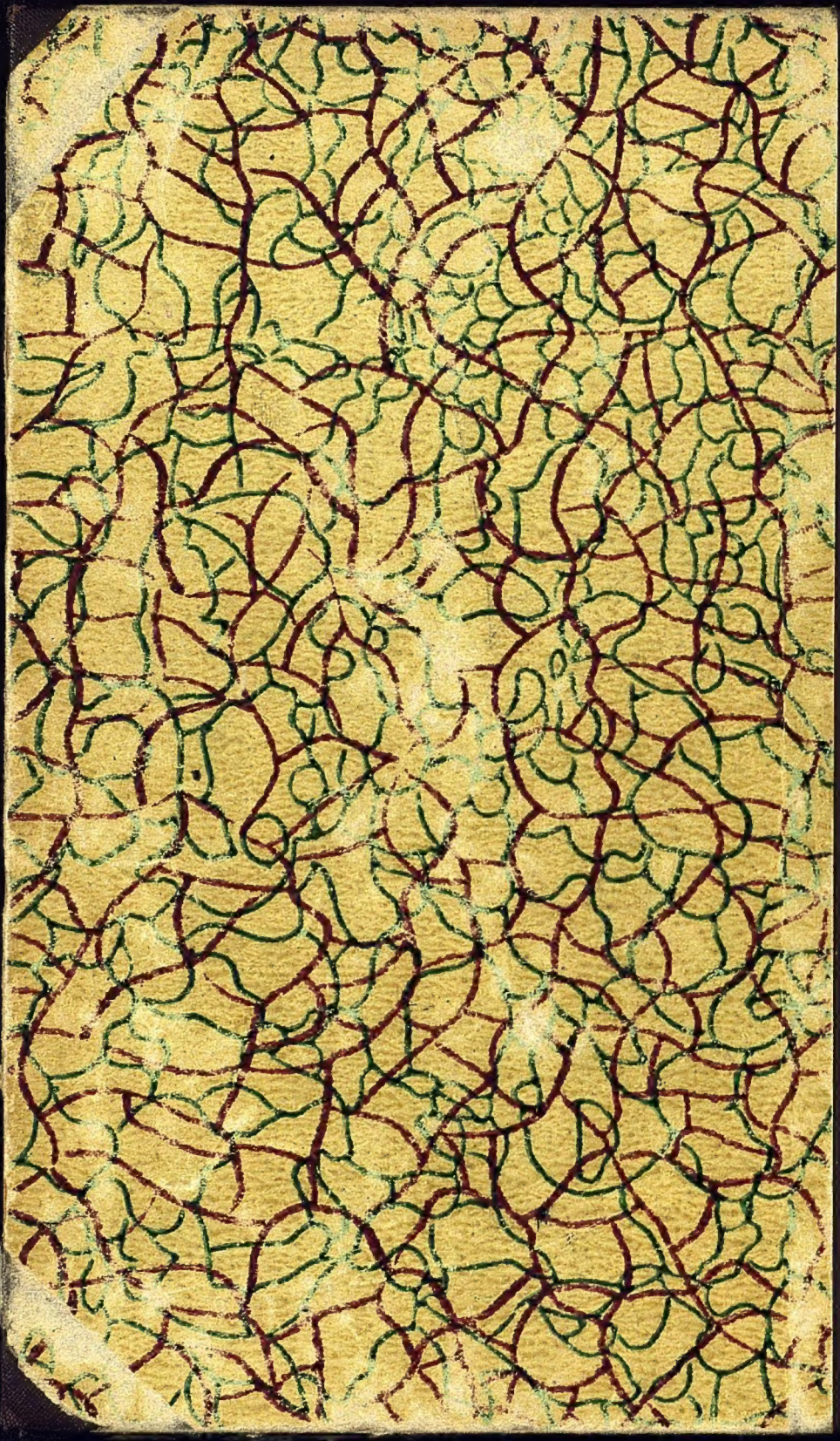
I. Организація политическаго розыска до 1881 г. . . . . 3—9

II. Основаніе Заграничной Агентуры Департамента Полиціи (1881 г.). Ея начальники: Рачковскій (1882—1902), Ратаевъ (1902—1905), Гартингъ (1905—1909). Докладъ Гартинга о состояніи охраны въ 1905 г. . . . . 10—16

III. Лондонскій съѣздъ с.-д. и охрана. Гартингъ и шведская и датская полиція. Дѣло Азева . . . . . 16—29

IV. Разоблаченіе Гартинга Бурцевымъ. Новый начальникъ Заграничной Агентуры Красильниковъ (1909—1917). Преобразованіе Агентуры въ 1913 г. Положеніе охраны . . . . . 29—45

V. Задачи сыска и провокаціи въ приложеніи къ Заграничной Агентурѣ. Охранная философія Бѣлецкаго . . . . . 46—53

VI. Организація и личный составъ Заграничной Агентуры въ 1917 г. Списки охранниковъ и провокаторовъ, работавшихъ заграницей въ 1917 г. . . . . 54—61

VII. Характеристика охранниковъ и ихъ работы по ихъ показаніямъ и по документамъ Парижскаго Архива Агентуры. Образовательныя поѣздки шпіоновъ на Ривьеру. Заключеніе. 61—75